

Оборотень

Алексей Фомичев

За гранью восприятия

«Автор»

2004

Фомичев А. С.

За гранью восприятия / А. С. Фомичев — «Автор»,
2004 — (Оборотень)

Он скитался из мира в мир, из реальности в реальность и отстаивал свое право на жизнь оружием. Он мечтал вернуться домой, в наш мир, и мечта его сбылась. Но теперь мирная жизнь для него скучна и мучительно хочется вернуться туда, в опасность, в приключения... И мечта сбывается снова. Только теперь у Артура, героя альтернативных реальностей, всегда остается шанс на возвращение!.. Чужак. Он скитается из мира в мир – и всегда мечтает вернуться домой, в нашу реальность. В одном из миров он стал великим мастером меча... В другом – отстаивал свое право на жизнь кулаками... Теперь он – в новом мире, и здесь за умение убивать и выживать платят дорого. Здесь можно сделать блестящую карьеру и остаться навсегда. Но – можно ли отсюда вернуться домой?..

© Фомичев А. С., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Алексей Фомичев

За гранью восприятия

Quod erat demonstrandum¹

Глава 1

Это не мое...

...Взмах – свист.

Взмах – свист.

Клинок рассекал воздух, постепенно ускоряя вращение, пока не превратился в размытый, плохо различимый силуэт.

Взмах – свист...

– Толик, положи игрушку. Не надоела еще?

– Классная штучка! В руке сидит как влитая. А?

– Это не хуже, – качнул в ладони чекан Марк. – Им ты черепушки проламывал?

– Им, – нехотя произнес я.

– Ладно, хватит! – Сергей хлопнул рукой по колену. – Мы тебя выслушали... в меру своих сил поверили. Пора подводить итоги.

– Точно, – хмуро подтвердил я. – Пора...

И обвел комнату взглядом.

Это была моя комната. В моем доме. Куда я пришел три дня назад. Вернувшись из трех-годового турне по иным мирам.

...На этот раз Ворота смиростивились и пустили меня обратно в мой мир. В него я вошел, точнее, влетел спиной вперед, продолжая давить на спусковой крючок автомата.

Ворота были настолько любезны, что выкинули меня туда же, откуда забрали, – в лабкорпус родной академии. Появление в таком виде – с огромным рюкзаком на спине, с автоматом в руках, в перепачканной одежде – вызвало бы переполох в студенческой среде и, возможно, закончилось бы в отделении милиции. Но коли начало везти, так до упора. Во-первых, было воскресенье, а во-вторых – вторая половина дня. Таким образом, мое появление никого, кроме пробегавшей мимо мыши, не напугало.

А дальше был небольшой марш-бросок до дома, взлет по лестнице на третий этаж (лифт как назло не работал), мировой рекорд по открыванию двери и дикое чувство облегчения (в хорошем смысле слова). Возвращение состоялось!..

Свалив трофеи в прихожей, я полчаса пролежал в ванне, потом отыскал в холодильнике кое-чего перекусить, а потом взял в руки телефон. И позвонил друзьям.

Разговор вышел коротким и энергичным. Уяснив, что я жив, здоров и моему существованию никто не угрожает, парни пообещали приехать через три дня. Приехали.

Сначала я выслушал все, что они обо мне думают после внезапного исчезновения. Потом пригласил в комнату, где на полу разложил добычу. И пока они изумленно взирали на трофеи, начал рассказ.

Парни слушали с открытыми ртами, вертели в руках холодное и огнестрельное оружие, перебирали фотографии, рассматривали удостоверение, листали газеты и атлас, пробовали на зуб золотые монеты и слитки.

Их отношение к моим словам можно было отследить по мере продолжения рассказа. Настороженность – саркастическое недоверие – непонимание – удивление – изумление – офигение – ох... Ну, понятно.

И лоб мне трогали, и многозначительные взгляды друг на друга кидали, и пальцем по голове стучали, однако факты и доказательства пробили плотину недоверия. Эти сугубо прагматичные, абсолютно лишенные тяги к мистификации и не склонные верить в чудеса люди допустили мысль, что один из них побывал в других мирах. Что есть такая штука – Ворота, способная перекинуть человека в иное измерение. Что это не розыгрыш, не прикол, а истинная правда и ничего, кроме правды. Аминь!

После моего монолога и двух-трех сотен вопросов наступила пауза. Парни осознали. Принимали в свое мировоззрение новую данность, привыкали к этой ставшей реальностью фантастике.

...Антон держал в руках мое удостоверение. Разглядывая его со всех сторон, привыкал к мысли, что их младшой – Артур – вдруг стал полковником. Толик рассекал воздух взмахами меча, Марк вертел чекан, водя пальцами по острию клевца. Только Серега сидел с пустыми руками, задумчиво глядя на кучу золота.

- И что теперь? – спросил он спустя пару минут.
- В смысле?
- В смысле, что будешь делать?
- Не знаю... Пятый курс надо закончить, диплом получить... еще? Не думал пока.
- Ты Жорку видел? – опустил наконец меч Толик.
- Звонил. Тот весь на нервах. Сказал, вы его достали...

Я глянул на Марка и Сергея. Как говорил Жорка – хозяин конторы, где я работал, – именно они приезжали два с половиной месяца назад к нему домой, когда стало ясно, что я исчез с концами. Разговор тогда шел на повышенных тонах. Жору, мягко говоря, взяли за шкуру и строго спросили: не твоя ли работа? Тот искренне возмутился и заверил, что к моей пропаже никакого отношения не имеет.

Видимо, его вид при этом был довольно убедителен. Парни поверили и попросили при первых сведениях обо мне дать им знать. Жорка пообещал. Нехотя. После памятного расставания отношения между ребятами и ним остались довольно прохладными и новая встреча теплотой не отличалась.

Однако посылать парней подальше Жорка не посмел. Знал, что могла сотворить эта четверка, если им поперек дороги кто-то вставал. Да и потом, сотрудник-то действительно пропал. Как-никак начальник техотдела, то есть специалист по всякого рода аппаратуре, которую в обычных радиотоварах не продают. Как знать, может, конкуренты выкрали спеца, дабы вывести секреты фирмы?..

– Звонил, – повторил я. – Требовал срочной встречи, но я отговорился, попросил два дня на улаживание личных проблем.

- Что думаешь делать? Работать дальше?

Я покачал головой. Такого желания после всего пережитого не возникало. Студент Томилин мог работать на частного дядю. Скиталец по мирам, боевой офицер, полковник – нет. Терпеть выходки нового русского бизнесмена с криминальным уклоном теперь не смогу.

- Нет уж. Хватит.

Опять повисла пауза. Парни рассеянно смотрели на трофеи, по-новой просматривали фотографии, читали газеты.

– Черт! Сказать кому – не поверят! – воскликнул Антон, перекладывая фотки. – Слушай, ты и правда головы рубил? Этим мачете?

Он ткнул пальцем в фотографию. Я присмотрелся. Снимок сделан в заброшенной деревне, где мы настигли банду Латамира. Я стою с тесаком в левой руке. По лезвию стекает кровь, капает под ноги. В правой руке отрубленная голова Латамира. За спиной жуткая пирамида из отрезанных голов бандитов.

- Резал, – нехотя буркнул я. – Стрелял, бил, отрубал... много чего делал.

– Силен, бродяга.

– Артур, что у тебя с академией? – спросил Марк. – Не поперли за непосещение?

– Все нормально. Зашел вчера.

...Визит в академию был необходим. В деканате уже били тревогу по поводу исчезновения студента. Отчислять, конечно, не спешили, как-никак пятый курс, но все же...

Я успокоил деканат, заверил, что предоставлю кучу справок о внезапном заболевании, и пошел в группу.

Моему приходу, как и отсутствию, никто не удивился. Привыкли за прошлые годы. И только четыре человека встретили мое появление с... ну если не радостью, то ее подобием. И удивлением.

Удивление было взаимным, потому что я не обнаружил среди дружной студенческой братии двух человек. Николая и Светлану. О них в первую очередь и спросил остальных...

– Что твои однокурсники? Живы, здоровы? Как себя ведут? – задал вопрос Сергей.

Их здоровье его интересовало постольку-поскольку. Но вот возможность утечки информации, лишний треп и прочие неудобства с их стороны волновали весьма.

– Живы и вроде здоровы. Трех сюда выбросило еще в первый проход через Ворота. Андрей учится, а Николай и Света уехали еще летом. Забрали документы и были таковы. Живут в Орле, на родине Светы.

– Что так?

Я пожал плечами.

– Андрей говорит – она сильно нервничала, стала дерганой. Беременность еще... Нервы начали сдавать. Ее бойфренд не захотел бросать, это понятно.

– А остальные как?

– Никак. Привыкают. Вживаются. И старательно делают вид, что ничего не было. Язык держат за зубами, при посторонних ничего никому. Как мне сказали – каждый вечер у них встречи. Что-то вроде тайного кружка заговорщиков. Словом, ситуация такова: общее молчание, тишина. Никто никаких трофеев не притащил, так что выйти на свет эта история не может. А даже и выйдет, мало кто поверит. Вернее – совсем никто. Сейчас и не такое в газетах пишут, в разделе «встречи с зелеными человечками и НЛО».

– Верно, – поддержал Толик. – Эта история без доказательств выглядит очередной уткой. А ты...

– А он, – с улыбкой продолжил Антон, – явно не склонен трепать на весь мир о вояже в иные измерения. И уж тем более о добыче.

– Артур, – спросил Марк. – Судя по твоим словам, эти пришельцы способны проникать в любые миры, так?

– Не совсем. Только в те, которые находит их «контур». А он, как я сообразил, работает в режиме «на ощупь». Куда кривая вывезет.

– Значит, кривая вполне может вывезти в наш мир?

Парни замолчали, глядя на меня и ожидая ответа. Я секунду подумал, вспоминая те скудные сведения, что успел почерпнуть из допросов пришельцев. Что они там говорили о работе «контура»?..

– Н-нет... У них там хитрый принцип передвижения по пятому и шестому измерениям. Как их... Сопряжение и пространство. Так вот, все, что лежит неподалеку от их мира, Ворота могут отыскать. А дальние миры только по случаю. Насколько помню, вероятность попадания в нужный мир меньше сотой доли процента.

– Выходит, вероятность появления их здесь ничтожно мала...

– Да.

– Но, – продолжил Сергей, – существует.

Он обвел нас взглядом, словно проверяя, до всех ли дошло.

– Будем надеяться, эти чертовы пришельцы не придут сюда, – хмыкнул Марк.

Остальные были с ним согласны. Я тоже сделал вид, что согласен, хотя его уверенности не разделял, потому что вспомнил, что мой мир и мир Ругии – почти близнецы. То есть расположены близко друг к другу. И раз Ворота проникли туда, то и до нас могут довольно легко добраться. Может быть...

– Ладно, господа хорошие, – как бы подводя черту под долгим разговором, сказал Сергей. – Давайте закругляться. Выводы следующие! Артур влип в историю с пришельцами из иных миров – раз!

– И не он один, – добавил Толик.

– Верно. Два – выпутался все-таки. Выяснил, кто хозяин Ворот, – три.

– Успел стать грозой целого полуострова – четыре, – вставил Марк.

– Да. Наташил трофеев и доказательств – пять.

– И что имеем в результате? – с усмешкой осведомился Антон.

– Во Вселенной существует по крайней мере шесть измерений. Существуют расходящиеся миры. В некоторых из них дошли до создания устройств перехода между мирами. Рано или поздно эти экспериментаторы могут попасть и сюда. А значит, мы должны быть настороже.

– Ты забыл еще кое о чем, – сказал я. – То самое устройство перехода иногда срабатывает спонтанно, причем не по воле хозяев. Оно сработало в нашем мире и перекинуло семь человек к черту на кулички. Оно вторично сработало и разделило скитальцев на две части. Одни вернулись домой, другие попали в новый мир. Как я успел понять – спонтанный запуск зависит от запуска «официального» «контура». Как – загадка для всех, в том числе и для хозяев.

– В общем, в этом деле много неясного, – сказал Марк.

– Факт. Теперь по делу. – Сергей ткнул пальцем на золото. – Что решил с этим?

– Переправить за границу. Оценить, насколько потянет, здесь золото разного качества и пробы. Наши каналы еще работают?

– Да. Посредник теперь живет в Португалии, он может устроить.

– Угу. Здесь двадцать семь с половиной килограммов. По моим прикидкам – на пять-шесть сотен тысяч баксов. Десятая часть Посреднику, четверть – вам. Остальное положу на счета. Что-то оставлю на жизнь.

– С золотом ясно, – констатировал Серега. – Трофеи?

– Холодное оружие зарегистрирую как предметы коллекции, огнестрельное в тайник, фотки и прочее – тоже.

– Верно. С этим не тяни... на всякий случай. Ну, вроде все. Да, к тебе просьба.

– Ну?

– Будет время, посиди за компом, подумай... надо обобщить весь опыт твоей работы.

– Какой? – не понял я.

– Всей. Тактика действий твоих подразделений, принцип комплектования, подготовка – сильные и слабые стороны, экипировка, взаимодействие... все. И даже опыт работы с холодным оружием в этом... как его?

– Аберене.

– Точно.

Я покачал головой – Серега задал задачу! Это не одну неделю сидеть, описывать, вспоминать, восстанавливать... Впрочем, лишней эту работу не назовешь. Особенно для нашей деятельности.

– Ладно... попробую. А теперь... я все выложил, ваша очередь. Как здесь дела? Что происходит?

Парни переглянулись, дружно вздохнули и почти одновременно пожали плечами.

– Дела... – задумчиво ответил Серега, – делаются... Как-то...

...Вы всю жизнь проходили в легких, свободного покроя одеждах и вдруг в один прекрасный момент начинаете носить тяжеленный тулуп, толстый свитер, неподъемные унты, а на голове теперь постоянно меховая шапка. Каковы ощущения? Словно сковали цепями, лишили подвижности, нагрузили до предела.

По-другому...

Привыкли жить в тихом спокойном месте, вдалеке от дорог, шума и грязи, гомона толпы. И тут бац! Переезжаете в мегаполис. Ощущения? Угодили в ад. Дикий шум, толкотня, ни грамма свежего воздуха, над головой смог. Машины снуют туда-сюда, под ногами изгаженный асфальт... В общем, конец света!

Представили? Теперь, наверное, легче будет понять, по крайней мере попробовать, каково мне после трех лет скитаний, непрерывной войны и каждодневного ожидания смерти вернуться к спокойной (по сравнению с былым) жизни. Чего стоило перейти на иные рельсы, перестать засыпать и просыпаться с мыслью – когда всему этому настанет конец?!

Не надо ломать голову над очередной операцией, не надо просиживать над планом комплектования, не надо бежать сломя голову под пулями, чувствуя, что твоя фигура сидит на мушке автомата в руках боевика, и ждать, что вот-вот, вот сейчас...

И сотни других «не надо». А главное – не надо думать, когда проклятые Ворота соизволят возникнуть где-нибудь поблизости и можно будет пройти сквозь них, замирая от космического холода и жуткой, гвоздем сидящей в голове мысли: «Куда вынесет?..»

Вот с таким настроением я и ездил в академию. С таким настроением просиживал лекции, сдавал зачеты на практических занятиях и готовил курсовые. С этим же настроением шел в спортзал, доводя организм до изнеможения и этим немного снимая державшее меня напряжение.

Учеба и тренировки стали той отдушиной, которая помогала мне прийти в себя, сбросить тяжесть воспоминаний, быстрее адаптироваться к нормальной жизни. Нормальной в нашем, местном понимании слова.

Была еще возможность продолжать работу. Но я с ней порвал. Резко и бесповоротно...

...Визит в контору состоялся через день после разговора с парнями. Я специально подгадал момент, чтобы в офисе было как можно меньше народа.

На входе поймал настороженный взгляд незнакомого охранника. Тот недоверчиво выслушал мои объяснения, позвонил секретарше и только после этого пропустил внутрь.

Я прошел мимо него, чувствуя его внимательный и излишне подозрительный взгляд. Видимо, в конторе новые веяния, усиленная охрана, новые люди. Много чего произошло за неполных три месяца...

Жора встретил меня сдержанно, без привычной улыбки и благожелательного жеста. Кивнул, предлагая сесть, и спросил:

– Где тебя носило?

– Так... обстоятельства.

– А позвонить, сообщить... не мог?

– Не поверишь, нет!

Жора тяжело вздохнул, нахмурил густые, почти как у Брежнева, брови и покрутил головой – признак сильного раздражения. Его тучная фигура с довольно объемным животом, мощными руками и короткой толстой шеей, на которой покоилась большая лысая голова, выдавала крайнюю степень неодобрения.

Когда-то подобный монумент недовольства и барского гнева заставлял меня снижать написк и слегка придерживать язык во избежание конфликта. Теперь – плевать!..

– Твой отпуск затянулся почти на полтора месяца. Море было хорошим? Или девочки слишком горячими?

– По-разному...

Он откинулся на спинку супермодного и не менее супердорогого кресла, побарабанил пальцами по столу – еще один признак высочайшего гнева – и процедил:

– И что мне с тобой делать? За эти годы ты впервые накуролесил. Такой исполнительный и надежный сотрудник... Всегда в пример ставил, и вот... Что мне с тобой делать?.. – повторил он, словно советуясь.

– Уволь.

Жора принял это за насмешку и сердито засопел. Пристальный взгляд буквально буравил меня, словно пытаюсь проникнуть в мозги.

– С чего это ты так самокритично? Совесть заела? Тогда простим. Для порядка штрафа-нем баксов на сто, в воспитательных целях. Чтобы другим неповадно было. Надеюсь, впредь ты будешь разумнее и...

Что-то в моем взгляде заставило его прекратить поучения. Он поперхнулся, протянул руку к графину с соком. Игнорируя стакан, отпил прямо из горлышка.

– Я не шучу, Жора, – мрачно усмехнулся я. – Думаю, в этой ситуации лучше всего мне уйти.

– Да что с тобой, Артур? – уже нормальным, не «хозяйским» тоном спросил шеф.

Он умел нормально говорить, особенно с теми, кто неоднократно его выручал и с кем был на короткой ноге. Правда, в конторе за последний год таких осталось всего двое. Я и бухгалтер. Остальные пришли недавно и смотрели на Жору снизу вверх.

– Ничего. Просто я ухожу. Это решение окончательное и обсуждению не подлежит.

– Тебя что – перекупили?

– Кто? И зачем? Выведывать секреты техслужбы? О ней никто, кроме меня и моих парней, не знает. Если, конечно, ты не проболтался. И потом, ты не забыл? МЫ не продаемся!

Жора замолчал, окончательно сбитый с толку. Выговаривать человеку, уходящему из фирмы, бессмысленно.

– Можешь толком сказать – что произошло?

Я покачал головой. Жора засопел громче. И недовольнее.

– Может, тебе денег мало? Я могу добавить. О штрафе забудь, это так... к слову. Получал штуку, будет полторы. Или две...

– Жора.

– А?

– Я ухожу не из-за денег. Просто... так надо. Полтора месяца я прогулял, денег, понятно, не прошу. Ты вроде мне ничего не должен. Я тебе тоже. Технику и ключи от сейфов сдам, замки и коды можешь поменять. Думаю, твой новый зам по безопасности и так это сделает.

О новом заме мне успела шепнуть секретарша. По секрету, как своему. Она и не знала, что я уже «не свой»...

Георгий Викторович сник. Его большая фигура словно сдулась, стала меньше. Могучие плечи обмякли.

– Откуда о заме знаешь?

– Шепнули.

– Шептуны, – проворчал он. Опять отпил из графина и медленно, словно нехотя начал рассказывать.

...Жорина фирма, точнее, две фирмы за последний год пошли в гору. Бизнес рос, выручка шла неплохая. И Жора захотел расширить дело, а заодно освоить и пару новых направлений. Одним из шагов расширения стало создание на базе небольшой службы безопасности частного охранного предприятия. Для этого дела Жора нашел отставника-комитетчика. Тот должен был из ничего слепить охранную структуру. Как мечтал Жора – суперпрофессиональную.

Объяснения Жоры я слушал вполуха, с нежеланием. Зачем мне это? Но одну деталь уловил сразу.

Раньше, когда Жорин офис уместился в двух кабинетах, где сидел он сам, бухгалтер – старый, еще советской закалки, а потому очень опытный и мудрый, и секретарша, все проблемные моменты разруливала пятерка спецов. То есть наша команда. Стрелки, разборки, переговоры, улаживания конфликтов – все висело на нас. Плюс Жорина безопасность. Мы справлялись. И Жора не наглел, хапал аккуратно, и его мудрый бухгалтер ловко прятал концы в воду, и мы работали осторожно. Больше мирным путем. Силовые акции можно пересчитать по пальцам. Двух рук...

Город делили между собой три криминальные группировки, шла война за крупные и средние предприятия, убитых хоронили каждый день и не по одному. Еще больше тел исчезало бесследно.

В этой обстановке Жора вел дела тихо, его бизнес был скрыт от посторонних и жадных глаз. Он очень рано, раньше многих, понял, что надежнее всего будет не падать под кого-то из «чисто конкретных пацанов», а пойти под крылышко родного Комитета. Который к тому времени сменил несколько вывесок, потерял былую тяжеловесность, но был еще в силе.

Так и жили. Мы урезонивали особо наглых и ретивых, желающих отщипнуть кус от пирога, а Жора задействовал связи в госбезопасности, когда проблема выходила за рамки стрелок-стрелялок.

Потом произошел памятный разрыв между Жорой и моими друзьями. Тот решил, что мы имеем слишком много, и решил укоротить аппетит пятерки. Парни сказали – хрен с тобой, золотая рыбка! Не хочешь, как хочешь! И ушли. Без меня. А когда я попробовал сделать то же самое, то отговорили.

«У тебя учеба, у тебя здесь жилье, – увещевал, а скорее приказывал Сергей. – Куда тебе срываться? Учись, работай потихоньку. А мы пока попробуем в другом месте. А когда диплом будет в кармане – посмотрим. Только запомни одно – больше ты ни в какие игры с разборками не лезешь. Занимайся техникой. И близко не подходи к разборкам и охране. Понял?»

Я понял. И Жора понял, когда пришел к нему с разговором. Видимо, остыл после скандала и уже жалел о жадности. Поэтому выслушал спокойно, вник в тему и не стал перечить. Техника? Пожалуйста. Очень кстати... Не будет прежней работы? Что ж, пусть так. Главное – подними новое направление. Техника, она такая вещь, если ею умело пользоваться, можно получить очень многое.

Жора дал добро, и вскоре я наладил дело. Его новый офис имел почти стопроцентную защищенность от любого вида прослушивания. Даже включая прослушку с телефонной станции. Там у меня сидели два человека на премиальных. Как намылитесь нас слушать милиция или еще кто – они мне сразу звонили.

Но одной защиты мало, надо и еще кое-что. Со временем Жора начал получать информацию о конкурентах и недоброжелателях, можно сказать, из первых рук. Из их офисов, дач, бань, квартир...

Так мы и жили до... сегодня.

А теперь Жора пошел в гору. Теперь он солидный бизнесмен с большим оборотом. Ему положено иметь свое охранное предприятие. А в его главе встанет выходец из той же конторы с буквами ГБ. И покровители довольны – им процент капает, и крутая братва не особо лезет. Потому как и у нее есть потолок. Рубеж, за который не прыгнуть.

И все же!.. Грусть-тоска Жорины понятны. Раньше наша пятерка решала все проблемы, и решала только положительно. А как теперь? Пока неизвестно. А Жора не терпит неизвестности. Потому и вздыхает. Да вдобавок главный техник уходит.

– Что ж... – тянет он. – Коли решил. Ладно.

– Заявление писать?

– Пиши. Я подпишу, отдам в бухгалтерию. У нас теперь целый финансовый отдел... Завтра получишь трудовую. И деньги.

– Какие деньги? – не понял я.

– За два месяца. – Жора кисло улыбнулся. – Хоть вы меня и считаете жмотом, но я все же помню добро. Оформим как выходное пособие.

Мне и без этих денег неплохо, но неожиданный жест Жоры приятно удивил. С чего это он такой добрый?

– Благодарю за неожиданный дар.

– Завтра с утра подойди. Деньги и трудовую получишь. И потом. У меня есть одно предложение... Возможно, оно придется тебе по душе.

– Хорошо. – Отказывать в разговоре после доброго жеста не хотелось. – Тогда до завтра. ...Следующим утром Жора начал разговор с того, что протянул мне узкий конверт.

– Три штуки. Можешь не пересчитывать.

Я и не думал, Жору в таких делах отличала почти невероятная скрупулезность.

– Благодарю...

– Присаживайся. – Он подождал, пока я опущусь в шикарное кресло напротив него, и перешел к делу: – Мой новый зам создает охранную фирму. Трехуровневую. Стационарная охрана на объектах, группа сопровождения для перевозок грузов и группа личной охраны. Наполовину она будет укомплектована прежними парнями, наполовину новыми. Он сам отбирает. Но будет и еще одна группа. Быстрого реагирования. Восемь человек. Для решения...

Жора сделал паузу, многозначительно посмотрел на меня и кивнул:

– Ну, ты понимаешь...

– Понимаю. При чем тут я?

– Я прошу тебя взять их подготовку на себя. Остальных Корешков будет готовить отдельно. Чуть ли не сам.

– Корешков?

– Мой зам. Не знал его фамилии?

– Теперь знаю. Почему ты хочешь отдать мне группу? Этот Корешков не так их готовит?

– Понимаешь... – протянул Жора, не зная, как обосновать свою просьбу. – Эта группа... она должна быть готова к любым задачам... Э-э... ну как когда-то...

– Ясно, – отреагировал я.

Жора отлично помнит, как работали мы, как решали проблемы и не оставляли следов. И не имели конфликтов с милицией. Вот и хочет, чтобы я подготовил группу, чтобы в чем-то походила на нас.

Предложение, если брать по сути, выгодное. Будет спортзал, будет база, можно самостоятельно тренироваться. Да еще и деньги получать...

– Хорошо, сделаю. Но только это встанет в копеечку.

– Не вопрос, – обрадовался Жора. – Знаю, ты сильно загибать не будешь...

– Но и задешево готовить не стану.

– Сколько?

– Они будут проходить отдельные курсы, – пояснил я. – Стрелковая, тактика, владение холодным оружием и подручными предметами, прикладная рукопашка... Каждый курс по двадцать занятий. С одного человека за курс пятьсот баксов. С группы – четыре штуки. Четыре курса – шестнадцать штук.

Жора побарабанил пальцами по столу, прикидывая затраты, и согласно кивнул.

– Идет.

– Лады. Тир, зал, полигон, вся матбаза – ваша.

– Не вопрос. Что еще?

– Необходимо в конце курсов устроить стрельбу из разных видов оружия. То есть нужно стрельбище. Это отдельные занятия – пять или шесть, и отдельная плата.

– Договорились. Список матбазы дашь?

– Да. Предоплата за каждый курс.

– Не вопрос. По рукам?

Я пожал толстую лапу Жоры.

– Тогда дай знать, когда вы будете готовы. Три занятия в неделю. Можно и четыре.

– Устраивает. – Жора встал из-за стола, проводил меня до двери, выказывая уважение, и напоследок сказал: – Смотри. Пожелаешь вернуться – приму.

Я усмехнулся и не ответил. Жора не упустил случая забросить удочку. Так, на всякий случай. Вдруг дела пойдут так, что я окажусь на мели и вынужден буду искать приработок.

Такой вариант я не допускал ни при каких обстоятельствах. Возвращаться после прощания – плохой тон. Уходя – уходи...

В бухгалтерии мне вернули трудовую книжку. Я открыл ее, посмотрел на записи. Их всего три. Принят на должность сотрудника охраны. Переведен на должность начальника технического отдела и уволен по собственному желанию. Общий стаж – почти четыре года.

Когда я вышел из кабинета, меня окликнула секретарша:

– Артур, погоди. Тут с тобой хотят поговорить.

Рядом с ней стоял мужчина средних лет в темно-синем костюме, с небольшой папкой в руках. Рост немного выше среднего, фигура плотная, спереди чуть выпирает брюшко. Короткая стрижка, узкое интеллигентное лицо школьного учителя математики. Взгляд неприятный. Так смотрят следователи на подозреваемых. Очень сильно подозреваемых...

– Вы Томилин? – низким скрипучим голосом спросил он.

– Да.

– Я заместитель Чижмина по безопасности и новый директор охранной фирмы. Корешков.

Это я и так понял. По его виду и по тону. Непонятно только, что ему от меня надо?..

– Вы уволились из фирмы. По какой причине?

– По личной, – улыбнулся я.

– А поточнее... – требовательно спросил он, пристально глядя на меня.

– А поточнее только в аптеке, – с еще более лучезарной улыбкой произнес я и подмигнул секретарше. – Пока, Оль.

Корешков с несколько растерянным видом смотрел на меня, не зная, как реагировать на такую отповедь. Видимо, не привык, что ему перечат.

Сидевший у входа охранник всю эту сцену видел и смотрел на меня, слегка выпучив глаза. Я спокойно прошествовал мимо него к выходу, открыл дверь и вышел на улицу.

Вот и отработал свое. Еще одна ниточка, соединяющая меня с городом, лопнула. Предпоследняя...

* * *

– ...Пятый курс, господа студенты, – это последний рубеж, который вам надо преодолеть, дабы стать дипломированными инженерами. А уж потом можете смело шагать на солнечную сторону, дабы стать «бизменом» и торговать шмотьем на высшем техническом уровне.

Последние слова профессора потонули в смехе и довольных выкриках. Студенческая братия веселилась. Начальник кафедры воспроизвел знаменитую шутку, ставшую популярной последние год-два.

Огромный четырехэтажный комплекс академии в солнечную погоду укрывал в тени весь двор и дорогу. Солнечные лучи падали только на другую сторону дороги, как раз туда, где

последние годы в большом количестве стали возникать всякие ларьки, кафешки, киоски, торгующие тряпками, продуктами, соками-водами и пивом. Там возникла вотчина торговцев-бизнесменов, или «бизменов», как мы их называли.

С тех пор преподаватели на зачетах и экзаменах говорили нерадивым студентам:

– Молодой человек, может, вам имеет смысл сменить специальность и вместо того, чтобы грызть гранит науки и трепать нервы себе и другим, лучше пойти на солнечную сторону, заниматься бизнесом? Возможно, это у вас выйдет гораздо лучше, чем разбираться в хитросплетении схем и рассчитывать каскады...

– ...А посему, уважаемые коллеги, – продолжал профессор, – прошу вас засучить рукава, собрать всю волю и закончить начатое четыре года назад. Тем более последний семестр самый короткий. А потом экзамены, практика и диплом. И гуляйте себе на все четыре стороны.

Этим напутствием заканчивалась последняя на сегодня лекция. Студены, весело гомоня, покидали аудиторию, устроив на выходе небольшую толкучку. Я подождал, пока все выйдут, и сам не спеша вышел из академии. И попал в объятия своих товарищей по скитаниям. Экспутешественники стояли на ступеньках с такими мрачными лицами, что я не удержался от замечания:

– Что это, господа, вы не веселы? Чего носы повесили? Нагнал на вас профессор страху? Или жаль, что учеба заканчивается?

На шутку они не отреагировали, только Денис вяло скривил губы в невеселой усмешке. Лица у всех грустные, прямо-таки печальные. Может, что-то случилось?

– Артур, – подал голос Андрей. – Ты занят сейчас?

– Вообще-то да. Вы хотели поговорить?

– Угу.

Я вздохнул, глянул на часы.

– Ладно, давайте поговорим. Только где?

– Ко мне пойдем, – вставил Денис. – Здесь недалеко.

Жил он действительно недалеко, на соседней улице. Уютная двухкомнатная квартира, большой застекленный балкон, хорошая, почти новая мебель, современная техника. Видимо, родители Дениса были людьми обеспеченными, сделали сыну роскошный подарок.

Девчонки скрылись на кухне, сооруджая нехитрую закуску, Андрей выставлял на стол закупленное по дороге пиво, Денис колдовал над музыкальным центром, ища нужную волну.

Минут через пять приготовления были закончены. В центре комнаты поставили низкий столик. На него водрузили бутылки с пивом и тарелки с чипсами и бутербродами. Все расселись по местам, но не спешили приступить к разговору. Смотрели то на меня, то друг на друга.

Я глянул на часы и сказал:

– Ну, так я вас слушаю, господа. Что вы хотели мне сообщить?

Затянувшуюся паузу прервала Оксана. Поправив упавший на лицо локон, спросила:

– Как у тебя дела, Артур?

– Нормально. Живу-поживаю, добра наживаю.

– А это... – взмахнул рукой Денис, – ну... чувствуешь себя хорошо?

– Да вроде...

– Никаких... – Он замолк, подбирая слова. – Ну, ничего такого?..

– Какого такого? – не выдержав, улыбнулся я.

Теперь замолк и он. Лена напряженно смотрела на меня с какой-то затаенной печалью, Андрей разглядывал бутылку пива, Оксана машинально поглаживала живот, сдувая непослушные волосы со щеки. Разговор не клеился. Они что-то хотели от меня услышать, но спросить напрямую не могли. Стеснялись, что ли?

Я вновь глянул на часы и решил перейти в наступление:

– Вот что, друзья, у меня и правда не так много времени, давайте перейдем к делу. Вы что-то хотели спросить? Спрашивайте, не стесняйтесь. За спрос не бьют в нос. Ну?

– Ладно, – махнул рукой Денис. – Я что хотел спросить... У тебя со здоровьем после всего этого как? Ничего не беспокоит, не болит?

– Нет.

– А?.. – Оксанка смешалась, порозовела. – По ночам ничего не снится?

– Кроме снов, ничего.

– Я имею в виду... ну...

– Он хочет сказать, – наконец раскрыла рот Лена, – что нас последние дни мучают сны. Не ужасы, не кошмары, а... словно мы по-новому переживаем этот провал. Очень назойливые видения. Неприятные.

– Всех мучают? – обвел я их взглядом. – И тебя?

Вопрос был обращен к Андрею. Тот кивнул, бросил на Лену какой-то виноватый взгляд, кашлянул и ответил:

– И меня тоже.

Вообще-то Андрей выглядел лучше всех в этой компании. Посвежее, что ли... Это и понятно, его путешествие по мирам ограничилось одним Абереном и двухгодичного кошмара Зоны он не испытал. Но вот выражение его лица, мягко говоря, было далеко от нормального. Судя по всему, изводили Андрюху душевные муки. Если мне не изменяет память, он был близок с Леной. И тот факт, что его выбросило обратно раньше, чем ее, доводил парня до белого каления. Разумеется, невольно, но выходило, что он ее бросил.

И сейчас в его взгляде, жестах, поведении сквозила эта виноватость. И пришибленность. Тем более Лена мало обращала на него внимания.

– Кстати, господа, – поинтересовался я. – Вы случайно не в курсе, как обстоят дела у наших коллег? Я имею в виду Свету и Николая.

– Я звонил им недавно, – ответил Андрей. – Хотел сказать, что вы вернулись. Они живут в Орле. Светка сидит дома, Николай учится в местном институте и работает в какой-то конторе. Судя по всему, у них тоже проблемы, как и у нас.

– Понятно... – протянул я. – Всем досталось на орехи. Как Светка? У нее какой месяц?

– Четвертый... пятый, – ответила вместо Андрея Оксана. – Нормально все. Только она совсем раскисшая. Колька ее к врачу возил, к психологу. Тот что-то прописал, успокаивающие или что там еще. А так...

Она пожала плечами, вздохнула. Проблемы Светы ей были особенно близки, потому как Оксаночка сама имела трехмесячный живот. Или даже чуть больше.

Вот он – скачок во времени. Для нас четверых рейд по Аберену закончился два года назад и уже отошел на второй план. А Андрей и вторая парочка жили этими воспоминаниями, для них прошло три неполных месяца. Соответственно и сроки беременности двух девчонок почти совпадали, хотя одна залетела два с лишним года назад, а вторая только недавно. Еще один парадокс, туманивший мозги ребятам...

– Что нам теперь делать с этим? – произнесла Лена. – Как жить?

Вопрос вообще-то риторический, но смотрели студенты почему-то на меня. Словно я знал ответ и мог решить эту проблему одним мановением руки.

Странная ситуация. С чего они взяли, что я смогу помочь? С того, что легче перенес переходы и их последствия? Или еще почему?..

– Не думаю, что есть панацея от ваших проблем. Ее в принципе быть не может. Но одно посоветовать могу. Посоветовать, так сказать...

Они слушали внимательно. Все. Включая вечно несогласного Андрея. И всегда скептически настроенную Лену.

– Ваши проблемы – в ваших головах. Воспоминания, картинки прошлого, повторные переживания... Не дайте мозгу времени обыгрывать былое. Загрузите его чем-нибудь. Учебой, хобби, работой... Чем угодно. Чтобы извилины дышать свободно не могли, а не то что копаться в прошлом. Не знаю, насколько совет хорош, но другого пока все равно нет. Вот и пробуйте. А там и сами что-то сообразите.

– Возможно, это выход, – протянул Денис. – Хотя три года скитаний просто так не забыть.

– И не надо. Это как игра с белым слоном. Чем больше стараешься о нем не думать, тем хуже выходит. Не гоните воспоминания, забивайте другим.

– А ты? – спросила Лена.

– Что я?

– Делаешь так же?

– Мне проще, – скривил губы я. – Меня воспоминания не мучают.

Мой голос звучал ровно, глаза смотрели прямо и честно. Хотя я врал...

Через неделю после последнего визита в контору мне позвонил Жора.

– Наш договор относительно занятий в силе?

– Да.

– Отлично. Матбаза заготовлена, зал есть. Когда сможешь приступить?

– Давай с понедельника. Часов с девяти утра.

– Идет. Они будут ждать там. Старший группы привезет деньги. Платить будем за каждый курс полностью.

– Лады.

– Пока...

Утром в понедельник шеренга из восьми человек выстроилась передо мной. Одинаковой расцветки камуфляжи, одинаковая обувь, одинаковые спортивные фигуры, короткие стрижки, внимательные взгляды.

Двое из них мне были знакомы. Юрка пришел в личную охрану шефа сразу после ухода моих друзей. В армии служил в противодиверсионном батальоне ракетных войск, имел хорошую подготовку. На гражданке поступил на заочный в политех, а сам пошел в охрану. Толковый парень, быстро схватывает суть дела и не стесняется выглядеть незнающим. В личке² был самым толковым и опытным. Жора поставил его старшим группы.

Второй парень – Макс. Был старшим смены охраны в офисе. Тоже прилично тренирован, опытный дзюдоист, неплохо стреляет из пистолета и автомата. Стационарную охрану перерос, но Жора держал его под рукой. Видимо, как раз для такого случая.

Остальные мне не знакомы. Но, судя по внешнему виду, тоже не в шашки играли. Мускулистые, сбитые. Пожалуй, борцы или регбисты. Там тоже хлипких не держат. Скорость, мощь тела, опыт быстротечных столкновений, коротких злых схваток, ударов исподтишка.

Ладно, разберемся...

Я провел тестирование на функционалку, объяснил, чем и как будем заниматься, выяснил их самочувствие и погнал на разминку. Пока они энергично махали руками и ногами, наклонялись, приседали, крутили шеей и кистями, я размышлял, зачем Жора собрал эту команду и что он хочет.

«А хочет Жорик воспроизвести нашу пятерку. Он до сих пор в восторге от результатов нашей работы. И от того, как мы решали его проблемы. Видимо, помнил все время, держал на уме и вот решился. А тренировать предложил мне, как одному из тех, прежних... И Юрку поставил командовать сам, и людей отбирал лично, заму не доверил. Больше чем уверен – группа не будет подчинена Корешкову. Жорка оставит ее для тех случаев, когда легальные и

² личная охрана персоны (сленг.).

пристойные способы решения проблемы исчерпаны, а прибегать к помощи покровителей от Железного Феликса невозможно...»

Отчасти мои догадки подтвердил Юрка. Когда остальные после тренировки приняли душ и уехали, он задержался. Передал мне деньги и рассказал новости конторы.

– После твоего ухода новый директор охраны говорил Жоре, что не стоит доверять тебе подготовку группы. Мол, ты чужой, а группа особая. Но Жора даже слушать не стал. Ну, Корешков и притих. С нами вообще не разговаривает, а своих охранников и личку тренирует его знакомый. Инструктор вроде неплохой, но такой же, как Корешков, себе на уме.

– А вы что?

– А чего мы? Официально устроены в новый ЧОП, оружие там получаем. Но все приказы отдает только Жора. Корешкова к нам вообще не подпускают. Тот недоволен, но молчит. С Жорой не поспоришь.

– Это точно.

«С кем же Жора собрался воевать? Вроде в городе сидит прочно и тихо. На чужое рот не разевает, занимается своим делом, платит гэбэшной крыше и на других внимания не обращает...»

Поймав себя на этой мысли, я плюнул и выкинул Жору с его проблемами из головы. И без него есть о чем подумать.

После тренировки я потопал в академию, отсидел три пары лекций, потом поехал уже на машине опять в спортзал. Полтора часа работал со своими знакомыми из секции рукопашного боя, потом поработал над метанием ножей, после потягал железо в качалке. Затем, приняв душ, направил машину к дому.

Вот и еще один день позади. А завтра все снова – занятие с Юркиной группой, академия, своя тренировка и вечером сидение перед монитором компьютера. И следующий день, и следующий... Однообразие, размеренность, распорядок. Повседневность...

...А Лене я тогда, мягко говоря, сказал неправду. Если честно – соврал. Это когда она меня спросила о воспоминаниях. Мол, не мучают ли?

Воспоминания меня не мучили. Они меня достали! До предела достали...

Это как фантомная боль в отрезанной ноге, как сожаление о потерянном ключе от двери волшебной комнаты. Нет спасения от каждодневных перелистываний страниц памяти, от назойливых снов, от которых просыпаешься среди ночи по три-четыре раза. К тому же мои мозги, трижды обработанные Воротами, ни с того ни с сего перевели память в режим «помню все». Вообще все. Всплыли даже такие незначительные моменты из розовощекого детства, о каких я давно и прочно забыл.

Например, как в шестилетнем возрасте сказал продавщице газировки на улице «здравствуйте» вместо «спасибо». Или как меня провожала от дома до детского сада дворовая собака.

Потом всплыл и вовсе древний эпизод, о котором я по природе своей и помнить не должен, ибо было мне в тот период чуть больше года. Однако модернизированная память как-то выдала и это. Как в небольшой деревенской церкви крестили маленького карапуза, то бишь меня. Теплая вода купели, смазанные черты лица священника и протянутая им ложка со сладким вином.

Что там зацепило в мозгах, почему эпизод залег в извилинах? Вот всплыло, восстало... И почти каждый вечер что-то поднималось из глубин памяти.

Сами по себе воспоминания не мешали, ясно, что мозг, получивший такую встряску, должен как-то реагировать. Ну, помню и помню. Однако игры мозга очень точно накладывались на то сумрачное состояние, что было у меня на душе. Мрачно там было, темно и тоскливо.

За каким чертом я вернулся? Что здесь забыл? Почему не осел в Ругии? Как я, идиот, упустил такой шанс? Как?!

Видимо, мы, люди, просто генетически предрасположены к тому, чтобы упустить свой единственный шанс, а потом очень долго и горько об этом жалеть. О том, что упустил.

Вообще-то я и там, в Ругии, об этом иногда думал. Что вот когда-нибудь там, дома, стану сожалеть о былом. Но почему-то эта картина мне представлялась несколько в ином свете. Наивный дурак! Я даже не предполагал, насколько был не прав, когда решил перейти Ворота!

Следуя своему же совету, я загрузил себя работой до предела. Учеба, тренировки, занятия, встречи с подругами и опять тренировки, занятия...

Но вечерами, сидя перед компьютером и собирая воедино все свои знания и всю информацию о прежней работе, я заново переживал рейды, засады, налеты, рискованные поездки по Зоне, многочисленные стычки и схватки.

Закрывал глаза, и перед мысленным взором вставали воины герцога Властина, ненавистное лицо маркиза Корхана, карие очи Катерины, искаженное мукой лицо Мечислава...

Скрежетали в ушах клинки и секиры, противно выли стрелы, дробно грохотал пулемет, колокольчиком звучал звонкий смех Беаты, басил Радован.

Я крепко сжимал скулы, вертел головой, прогоняя яркую картинку и шум в ушах, а потом открывал глаза и видел перед собой строчки на мониторе.

«Оптимальный состав диверсионной группы для проведения засады в удалении от своих войск на... рассчитывается... Как показывает практика, устройство тайников следует производить из расчета один тайник на... По результатам работы можно сказать, что оптимальное количество занятий по общим курсам не должно превышать четырех в неделю. При условии двух занятий по разным силовым дисциплинам в день...»

И так далее, и тому подобное. Штатное расписание отделения, взвода, роты, батальона. Вооружение, обоснование такого комплекта, защитная амуниция, типы боеприпасов...

Сергей просил написать как можно более подробно, не упуская ни единой мелочи. Даже опыт Аберена учесть.

Я не возражал, коль он просил – делал. Тарасыч зря не попросит. Но кто бы знал, какое это мучение – переживать все заново.

Словом, настроение было паршивое. Я подавлял его, но с огромным трудом. И не выплескивал наружу только потому, что не привык выносить на всеобщее обозрение собственные переживания, держал их в себе. Что мое, то мое.

Однако жизнь, как назло, подбрасывала все новые и новые испытания для психики. Информация шла настолько негативная, что я уже перестал соображать, что вообще происходит.

...Страна катилась в пропасть. Ускоренными темпами. Верхушка хапала, народ подыхал, но все молчали. Делали вид, что все нормально. Так, мол, и надо. Богатеи воровали не то что втихую, а напоказ. Политики изоврались окончательно. По-моему, они сами понимали, что несут чушь, но закрыть пасть не могли.

Армию быстро и эффективно доводили до состояния развала, как, впрочем, и милицию. Государство готовилось к распаду. А тут еще Чечня!..

Наша команда имела некоторую информацию, скажем так, более полного характера, поэтому мы были в шоке. Не от войны. Никакой войны и не было. Так, разборка между правящими кланами за кусок пирога. А необученные солдатики, месяц назад получившие школьный аттестат, что сотнями гибли на Кавказе, – это так, нюанс. Неважный, незаметный, малозначительный. Убитые офицеры и солдаты – фон, на котором шла игра на миллиарды долларов.

Продажность армейских чинов и московских чинуш – мелочь. Даже газеты перестали реагировать на явные факты коррупции.

Возможно, не попади я в другие миры и не знай, какая может быть жизнь, то и шока от происходящего не было бы. Но я-то там был. И вернулся полковником полиции, с огромным

опытом той самой войны, за какую здесь выдавали чеченские игры. Видеть все это и знать, что происходит на самом деле, было невыносимо.

Через месяц после возвращения приехали Сергей и Марк. Проведать скитальца. Я отдал Сереге все, что наработал. Он залез в компьютер, быстро просмотрел файл, покачал головой.

– Фолиант. Монография... Долго трудился?

– Четыре недели.

– Молодец, полковник. Будем изучать твой труд. А теперь скажи... – Он сделал паузу, взглянул на меня. – Что с тобой происходит?

Я пожал плечами, отвел взгляд. Отвечать желания не было.

– Я могу ответить за тебя, – продолжал Серега. – Ты локти кусаешь, что решил вернуться.

– Локти – это еще мягко сказано, – нехотя буркнул я.

– Тогда скажи мне, пожалуйста, за каким хреном тебя понесло обратно?

Я молчал. Если за месяц толкового ответа на этот вопрос не нашел, то не найду его и сейчас.

– Только не говори, что боялся пришельцев, – опередил меня Марк. – В твоих силах и возможностях было избавиться от них с помощью властей Ругии. Раз ты имел погоны полковника и таких покровителей, то уж смог бы заставить их выслушать себя и поверить, что сказанное – не шутка.

Я молчал. Та причина, что заставила меня перейти Ворота, здесь, дома, выглядела не так убедительно, как в Ругии.

Парни, видя мое состояние, не стали нажимать, сменили тему.

– Что у тебя с Жориком?

– Ничего. Уволился. Тот даже заплатил за прогул и предложил тренировать его группу быстрого реагирования.

– Хочет реанимировать нашу идею, – моментально сообразил Сергей. – Пусть пробует. Что ты им даешь?

– Укороченные курсы. По двадцать занятий каждый.

– Нормально, – кивнул Марк. – И сколько он платит?

– Пять сотен с человека за курс.

– Неплохо. На хлеб с маслом и икрой хватит.

Мы проговорили еще пару часов. Парни рассказали о своих делах, обсудили перспективы продвижения наших идей и планов, потом поболтали на отвлеченные темы.

И только под конец Сергей сказал:

– Не хотел тебе говорить... Тем более ты в таком состоянии... Но ладно. Ты – человек закаленный, выдержишь.

– Ты о чем?

– Слушай. И мотай на ус...

Деревья, уже потерявшие листву, мелькали за окном, отбрасывая на дорогу длинные тени и дробя лучи по-осеннему слабого солнца. Стрелка на спидометре упорно ползла к отметке 160, но в салоне звука работающего мотора почти не было слышно. Только слабая дрожь машины выдавала большую скорость.

...«Восьмерку» я взял почти год назад (это если считать только здешнее время). Так вот, взял, значит, машину, нулевую, с завода, минуя многочисленных посредников, то есть по довольно низкой цене. И тут же отогнал ее в гараж небольшой фирмочки, где несколько парней с руками Левши и головами Кулибина вносили некоторые изменения в начинку машин.

Мотор поменяли на немецкий, от BMW, колеса поставили импортные, руль фирменный, тоже немецкий. И внесли еще десятка два небольших изменений. В результате получился

гибрид с внешностью отечественной автопромышленности и начинкой иностранного изготовления.

«Псевдовосьмерка» разгонялась по шоссе до двухсот двадцати, кушала всего пять литров на сто кэмэ, была послушна в управлении и... не привлекала излишнего внимания. Всякие там навороты вроде электрического привода на стеклах, встроенной системы сигнализации, магнитофона с квадрофонией в счет не шли. Это – как придаток к рабочим качествам машины.

Вот на этом железном чуде отечественных самородков я возвращался с одной из баз отдыха Солотчи.³ Двухдневный отдых на природе с шашлычками, сауной и в обществе девушек пошел мне на пользу. Я хоть на время сумел изгнать из своей головы занозу воспоминаний и терзаний.

Сейчас, когда отдых был позади, стандартный набор мыслей вновь занимал голову, но я сумел перевести этот поток на другую тему. Тоже довольно невеселую...

– ...Страна падает в пропасть, – рассказал тогда Сергей. – Идет развал по всем направлениям. Армия, госаппарат, промышленность... И все остальное.

– «Помощь» иностранных друзей? – спросил я.

– Своих хватает. А в общем-то совместные усилия. Зреет нарыв. По последним прогнозам, страна как единое целое просуществует еще лет пятнадцать – двадцать. Потом начнется неконтролируемый развал. Дробление на губернии, области, автономии. Нарушение единой энергетической системы, потеря власти центра и как следствие – расчленение государства. А следом – гражданская война. Возникнут самопровозглашенные республики, автономии, страны, независимые от Москвы. После этого возможен ввод сил НАТО под эгидой ООН якобы для контроля ситуации и недопущения несакционированных пусков ядерных ракет. На самом деле – захват страны. И все.

– Что – все?

– Вообще все. Территорию России разделят на десять – пятнадцать... княжеств с марионеточными правительствами, подчиненными США, Англии и их союзникам. Может, влезет Китай, он сейчас набирает силу, с ним считаются, его боятся...

– А здесь что будет?

– Ничего. Сырьевой придаток, место под ядерные захоронения и испытания различного оружия и технологий. Население с полутора сотен миллионов сократится до семидесяти – восьмидесяти. А то и меньше. Вымрут больные, старики, дети. Богачи с миллионами уедут на Запад, остальные будут влачить жалкое существование.

Я слушал Сергея и понимал – это правда. Это факт. Сам видел, что может произойти при попытке развала страны. Ругии повезло – она уцелела и вернула утраченные позиции. Россия этого сделать не сможет. Гнилое дерево не выстоит там, где сильное только слегка пошатнется.

– Вот такие пироги, – со вздохом заключил Сергей.

Я покосился на Марка, тот сидел молча, слушал внимательно, хотя уже все знал.

В голове, однако, не укладывалось подобное пророчество. Впрочем, это не пророчество, это озвученный сценарий развития.

– Какой же у нас выход?

– У кого – у нас?

– У нас пятерых, – уточнил я. – Россия не в счет, это уже труп.

– Сваливать. Подготовить плацдарм и сваливать. Либо получить достаточную сумму здесь, либо наладить контакты там, на Западе, и уходить. А для этого нужно знать, куда и как уходить. С сотней тысяч баксов там делать нечего. Надо открыть свой бизнес, купить жилье, отложить на черный день. Причем подальше от России. Идеально – запад Европы. Но можно и Америку – и Латинскую, и Северную. Как крайний вариант – Австралия. Везде можно жить.

³ Район под Рязанью, где расположены многочисленные дома отдыха и санатории. Один из самых красивых уголков России.

Я оценивал информацию. Оценка – единица! Это полный звиздец! Вот уж вернулся! Из огня да в полымя...

– И что у нас с зарабатыванием несметных богатств? – спросил я.

На этот раз Сергей с ответом не спешил. Сидел, глядя в пол, и сжимал кулаки. За него ответил Марк.

– Хреново...

...У солотчинского поста ГАИ я сбросил скорость, глядя на стоящего впереди гаишника. Здесь работали наши знакомые. Мы их подкармливали по мелочи: водка, вода, продукты и прочее, и они нас не трогали. Но это было раньше, кто стоит здесь теперь, я не знал. Если новички, придется наводить мосты снова.

Но повезло, стоял знакомый старлей, его мы обычно узнавали издали по красной роже и длинной худой фигуре. Он проводил мою машину внимательным взглядом, но останавливать не стал.

Миновав пост, я прибавил скорость и погнал дальше к городу, с некоторой тревогой поглядывая на небо. Впереди накатывала огромная туча, способная принести как снег, так и дождь. Да, пришлось заново привыкать к холодам, снегу и зиме. За два года в Ругии я отвык от резкой смены климата.

«Я много от чего отвык. Например, от проблем финансового характера и некоторых бытовых вопросов, которые легко решались, там, в Ругии...»

– ...Хреново, – повторил Марк. – Потому что нет у нас ничего. Пока...

Он энергично потер ладони и продолжил.

...Старый план парней основать свой бизнес в Москве и Питере по большому счету провалился. Прожив там несколько лет, они поняли, что основать свое дело без криминала, без влезания в разного рода разборки и без пролития крови невозможно. Все места уже поделены, все куски пирога получили хозяев. Подойти к кормушке можно только одним способом – оттолкнуть другого. А оттолкнуть – значит устранить того, проще говоря – уничтожить.

Два человека такое провернуть не в силах, да и четверо тоже. Поэтому парни занялись другим делом. Что в Москве, что в Питере был большой спрос на хорошо подготовленных бойцов. Криминальная война была в самом разгаре – бандиты гибли сотнями, нужда в новых «быках» большая.

Парни нашли контакты с нужными людьми и начали готовить людей, учить их воевать. Имея за плечами огромный опыт и знания, они поставили дело на поток и в довольно короткие сроки выпускали хорошо подготовленных бойцов.

В принципе такая работа неплохо оплачивалась, по две штуки баксов в месяц парни имели. Причем не особо себя утруждая. Однако это все, чего они достигли. Никаких подвижек в плане бизнеса больше не было. Потому что любая попытка поднять голову, начать зарабатывать какие-то деньги мгновенно засвечивала парней перед криминалом. А за этим обычно следует наезд, предъява и ультиматум – плати или пожалеешь.

Помимо всего прочего, им было необходимо сидеть в тени, не вылезать, дабы все, кто даже краем уха слышал о некой команде, работавшей в разных «горячих точках», забыли о ней. Напрочь. Ибо слишком многие имели основания быть недовольными результатами нашей деятельности.

– ...Вот потому и хреново, – подытожил Марк. – Сидим, как кот в засаде. Контакты на Западе не налажены – пока нет путей. Свое дело открыть невозможно. На жизнь жаловаться нельзя – с голоду не пухнем, деньги идут с постепенным нарастанием, но основная цель не достигнута.

– И какой же выход? – спросил я.

– Пока никакого, – нарушил молчание Сергей. – Живем как жили. У нас в запасе лет десять есть. Попробуем реализовать план. А если здесь начнется раньше... То выход один. Валить за границу. Любым способом, через кровь и трупы, и утаскивать семьи.

«Уязвимое место – семьи, – мелькнула мысль. – Это я холостой, а парни все женатые, есть дети, вон у Антона их двое. Если что – придется тугο...»

– ...Либо сколачивать свой отряд и... все равно прорываться на Запад. В условиях гражданской войны отряд наиболее предпочтителен. Хотя здесь тоже полно вопросов. В общем, много неясного... надо отрабатывать варианты, думать.

– Еще вариант, – вставил Марк. – Уже поступило предложение – ехать наемниками, благо в мире много горячих мест. Или ехать готовить наемников.

– Насколько это серьезно? – спросил я.

– Так... – пожал плечами Сергей. – На уровне предположений: «вот если бы... да как бы вы посмотрели...» Ничего конкретного. И потом – опасный вариант. Можно запросто сгинуть – те, кто стоит за наемниками, привыкли прятать концы глубоко.

На этом разговор и закончился. Парни уехали, а я, получив новое задание от Сергея, весь вечер оценивал услышанное и думал, как в такой ситуации быть. И чем дальше я думал, тем больше понимал – дело швах! Зер⁴ швах!

...В конце октября темнеет быстро, и к девяти вечера над городом прочно встает тьма. Низкие облака прячут диск новорожденной луны и на большой скорости проносятся над землей, грозя пролить первые капли по-осеннему холодного дождя.

Однако ливень, хоть и обещанный синоптиками, так и не пошел, наоборот, немного потеплело. Стояли последние погожие деньки, после которых должен прийти северный циклон и принести с собой снег и гололедицу, первую в этом году.

Сбросив скорость и приоткрыв окно дверцы, я катил по опустевшим улицам, глядя на редкие фигурки проходящих мимо девушек. Увы, они успели спрятать свои прелести под брюки и длинные плащи, поэтому с ходу оценить достоинства форм было трудновато. Несмотря на двухдневные забавы в обществе весьма заводных барышень, я не хотел сегодня спать один, а звонить знакомым подружкам было влом. Проще говоря, парня потянуло на свеженькое...

В горле пересохло, я открыл «бардачок» и пошарил в нем, ища бутылку. Но там было пусто. Впопыхах забыл воду в холодильнике коттеджа. Ладно, не беда.

Я притормозил, выглядывая поворот на небольшую дорогу, ведущую на узкую улочку. Там стояли дома частного сектора и еще уцелели несколько колонок, из которых можно пить, не опасаясь подхватить всякую дрянь.

Фонари на улочке горели через один, да и то вполнакала. Я медленно катил по дороге, глядя по сторонам, и наконец заметил колонку. Затормозил, достал полуторалитровую пластиковую бутылку и вышел из машины.

Колонка была старая, с покосившейся полуржавой трубой, вросшей в землю почти наполовину. Но струя была сильная, от ледяной воды сразу занемели пальцы. Я переложил бутылку в левую в руку, а правую прижал к боку – согреть замерзшую кожу.

Из горлышка плеснула пена, ледяная вода потекла на пальцы. Я отпустил рычаг, завинтил пробку и пошел обратно, по пути подкидывая бутылку, чтобы не отморозить ладонь.

Положив бутылку в «бардачок», завел мотор, вывернул руль и начал выезжать на дорогу, когда из-за угла выскочил молодой парень и едва не запрыгнул на капот машины. Я резко ударил по тормозам, и «восьмерка» застыла как вкопанная, благо не успела набрать скорости.

– Ты чего, пацан, ослеп?! Куда прешь?

⁴ Очень (нем.).

Тот, широко хватая ртом воздух, оттолкнулся от капота и подбежал к левой дверце.

– Пожалуйста! Помогите!

Одет он был вполне прилично – джинсы, рубашка, кожаная куртка, тяжелые кроссовки. Все чистое, опрятное. На алкаша не похож, на обкуренного тоже – слишком моторный, резкий. А лицо взволнованное, глаза так и вылезли из орбит. И губы дрожат...

Я на всякий случай глянул по сторонам, не выпуская парня из виду, и впервые пожалел, что у меня нет ствола. Трудно иногда без него приходится. Кто знает, что последует дальше...

– Пожалуйста! – продолжал орать пацан, хватаясь пальцами за опущенное стекло. – Помогите! Она кровью истекает!

– Кто?

– Юлька!

Нет, это не нападение. Никого не видно, пацан стоит открыто, снести с ног – дело мгновения. Да и потом – я сюда попал случайно, то есть целенаправленно меня не подловить, а на автогонщиков не похоже. Слишком наглый вариант нападения.

Все эти мысли промелькнули в голове за доли секунды, пока я тянул руку к замку дверцы. Подав на себя защелку, я толкнул дверцу, чтобы парень потерял равновесие и отошел от машины, и сразу вышел из салона.

– В чем дело? Что с твоей Юлькой? И где она?

– Там, – махнул он рукой назад. – На скамейке.

Там – это за поворотом на главной дороге. Место хорошо освещенное, опять же машины изредка пролетают, слышно отсюда. То есть плохие парни ждать вроде не должны.

– Ей в больницу надо. Пожалуйста! – Он умоляюще посмотрел на меня. – Помогите!..

– Далеко отсюда?

– Нет.

– Ну, беги вперед, показывай, – решил я наконец и полез обратно в машину. – Я следом.

За поворотом был небольшой сквер, окруженный деревьями и кустарником. Летом прямоугольник в центре сквера с дороги почти не виден, листва закрывала его от посторонних глаз. Этим зачастую пользовались влюбленные парочки, устраивая там места для поцелуев. А те, кто погорячее, – и места для любви. Но сейчас, в конце октября, листья облетели, и сквер был виден насквозь.

У одной из скамеек стояла небольшая компания. Парни и девчонки. Совсем молодые – лет по восемнадцать-девятнадцать. Мой проводник, бежавший впереди машины, махнул рукой: мол, там.

Я остановил машину у обочины и пошел к ним, продолжая сканировать местность. Не из-за подозрения – по привычке. Последние три года у меня была масса поводов настороженно относиться ко всему, а подобные навыки просто так не исчезают.

– Машина есть! – почти прокричал мой проводник, подбегая к друзьям. – Сейчас отвезем.

На меня глянули три пары глаз: две девчонки и один парень повернули головы. Я подошел ближе и спросил:

– Что тут у вас?

На скамейке сидела девушка. Длинные крашенные в белый цвет волосы, мягкие черты лица, яркие губы и большие карие глаза. Наполненные слезами. На щеке мокрая дорожка, нижняя губа закусена. Девочка испуганно смотрела на свою ногу и негромко стонала.

Рядом на корточках сидел парень. Одной рукой он держал голую ступню девчонки, второй прижимал к щиколотке платок. Из-под него капала кровь.

– Юленька, Юленька, потерпи, – шептал парень, – сейчас в больнице тебе помогут.

– Ой, молодой человек, отвезите ее, пожалуйста, в больницу, – протянула одна из девчонок.

– Да, пожалуйста, – подхватила вторая. – Скорее, ей плохо!

Я подошел вплотную, отодвинул парня и присел рядом.

– Дай. – Подхватил травмированную ногу, оторвал платок и осмотрел рану.

Хреново. Малышка как-то умудрилась рассадить себе мякоть голени, причем довольно глубоко – кровь шла не переставая. Вдобавок ступня была вывихнута – висела скошенная чуть внутрь, а возле сустава уже росла опухоль. Как бы не перелом.

– Давайте ее отвезем скорее, – почти простонал сидевший на корточках парень.

Голос у него дрожал. И руки тоже.

– Неплохо. Как вы умудрились, леди? – поднял я на девочку взгляд.

Она не ответила, глянула на ногу и закатила глаза. Видно, вида крови не переносила.

– Ну же? – едва не притопнула одна из подружек.

Я встал. Везти надо, но кровь... Слишком быстро течет. Это непорядок.

Отстранив крутящегося под ногами парня, что позвал меня, я пошел к машине.

– Вы куда? – закричал тот. – Вы что, бросаете?

– Спокойно, малыш, – обернулся я на ходу и помахал рукой. – Я скоро.

Аптечка, как всегда, лежала у заднего стекла. Большая аптечка, нестандартная. При случае там хватит лекарств на отделение раненых солдат. Полный набор для помощи, а не только чтобы гаишники отмотались.

Уже на обратном пути я открыл крышку, находя необходимое. И заодно прикидывал, куда везти раненую. В травмпункт нет смысла, возможно, потребуется операция. Так что в больницу. А чтобы с диагностикой и помощью не тянули, надо к знакомым. Были в городе несколько хороших врачей, наших друзей. В любое время дня и ночи, хоть на Дальний Восток поедут и помогут. Мы им приплачивали и вообще помогали. Свой врач много значит в наше беспокойное время.

– Отодвинься, – подтолкнул я сидящего парня, несомненно, возлюбленного раненой красотки.

Раскрытую аптечку поставил на скамейку, достал жгут.

– А ты, милая, отвернись, – сказал я девочке.

Наложить жгут, затянуть в меру, чтобы сдавил сосуды и остановил кровотечение. Перекинуть водорода полить рану, наложить бинт с кровоостанавливающим тампоном. Вколоть промедол, чтобы снять болевой шок. Заморозить щиколотку, где росла опухоль. Сунуть под бинт клочок бумаги с проставленным временем наложения жгута. Это для врачей, чтобы знали, когда была перетяжка.

При известном опыте и ловкости все занимает пару минут. Дело нехитрое, но именно из-за неумения помочь себе или другим часто гибнут люди. Я это уже проходил...

Боль немного отступила, я видел это по лицу девочки. Теперь можно и в больницу.

– Спасибо вам, – прошептала она, вытирая слезы со щеки.

– Пустое. – Я повернулся к ее кавалеру. – Идти она не сможет.

– Я донесу, – с готовностью сказал он.

Я с сомнением окинул его взглядом. Высокий, но худой. Узковат в плечах, руки тонкие, кисть узкая. Не здоровяк. Сразу видно – если и занимался спортом, то только шахматами. В готовности донести я не сомневался, а вот в способности пройти пару шагов с драгоценной ношей в руках – сильно. К тому же его любимая – девушка немаленькая. Рост под сто семьдесят, фигура развитая, и хотя лишнего ничего нет, но кило пятьдесят с копейками потянет.

– Держи, – передал ему аптечку. – Только не потеряй. И вот еще держи.

На этот раз отдал кроссовок с ноги его Золушки. Он машинально принял и то, и другое, растерянно глядя, как я подхватываю его любимую на руки.

Девчонка приникла к моей груди, замерла, тяжело дыша, руки сложила у подбородка. Смотрела на меня с надеждой и благодарностью. Черт, даже неловко стало.

Вся компания двинула за нами следом, наперебой сетуя на происшествие, подбадривая раненую и успокаивая ее ухажера. Тот топал поникший, с опущенной головой, неловко держа в руках аптечку и кроссовок.

Так маленьким табором мы дотопали до машины.

– Лезь назад, – скомандовал я парню. – Там, правда, сиденья нет, но ничего, поместишься.

Тот кивнул, залез назад и опустил переднее сиденье. Я осторожно усадил девчонку. Положил под травмированную ногу картонку, на нее лоскут старого одеяла.

– Жень, ты позвони, когда в больницу приедете. Поосторожнее там, – напутствовали влюбленного страдальца друзья.

Девчонки что-то зашептали раненой, наскоро попрощались, и я надавил на газ.

Женя всю дорогу держал подружку за руку, целовал в затылок и успокаивал. Та притихла, сжимала его ладонь и смотрела то на меня, то вперед. Боль ушла, и ей стало немного легче. Ехали мы недолго, и вскоре я затормозил прямо перед входом в больницу. Донес девчонку до приемного покоя, попросил вызвать врача. Повезло, дежурил как раз наш знакомый.

Девчонку сразу повезли на осмотр. Когда ее укладывали на каталку, она повернула ко мне голову и слабо улыбнулась.

– Спасибо вам большое!

– Ничего, красавица. Все будет хорошо. Даже шва не останется.

– Спасибо, – вторил подружке Женя, трясая мою руку. – Вы нас спасли.

В больнице он немного ожил и уже не выглядел испуганным воробьем.

– Скажите, а как вас зовут? Как вас найти?

– Зачем?

– Ну... поблагодарить, сказать... – пролепетал он.

– Парень, – скрывая усмешку, сказал я. – Ты только что поблагодарил. Так что забудь. Все нормально. Иди лучше туда, посиди, подожди, пока ее осматривать будут.

– Ага...

– Да. И совет – позвони ее родителям, предупреди. А то они с ума сходят.

Судя по его виду, подобная идея ему в голову не приходила. Молодо-зелено...

– Все, пока. – Я хлопнул его по плечу и пошел к выходу.

– Может, вы подождете... – неуверенно спросил он.

Я покачал головой, махнул рукой и выскочил за дверь.

Быстро доехав до дома, загнал машину в гараж, наскоро перекусил и буквально рухнул в кровать. Спать особо не хотелось, но завтра очень рано вставать, надо хоть немного отдохнуть.

Я закрыл глаза, и перед глазами вдруг встало искаженное болью лицо девчонки. Она плакала и что-то шептала. А потом вскрикнула...

Телевидение и газеты не радовали разнообразием, но всегда передавали нечто новенькое. Там убили, там зарезали, там подорвали с машиной, здесь подорвали вместе с домом, гаражом и гаремом. Взрывы, поджоги, стрельба, поножовщина... Страна переживала криминальную войну, знаменующую собой передел собственности и раздел лакомых кусков почившей империи. Весело в стране расейской жить!..

Рязань в этом плане от других ничем не отличалась и не отставала. Даже наоборот, кое в чем опережала других. Стреляли, резали, убивали другими оригинальными способами вдовсталь. Бандиты обнаглели до того, что подмяли под себя государственные учреждения и организации и даже влезли в законодательные органы и милицию.

Это как хищник. Если он не имеет естественных врагов, то вскоре захватывает весь ареал обитания и устанавливает единоличную власть. Вот бандиты и установили.

Криминальная жизнь была ключом, больше по голове, и не только самих бандитов, барыг и им подобных, но затрагивала и обычных людей, далеких от богатств и жирных кусков пирога.

Впрочем, люди, далекие от бушующего океана криминальной войны, зачастую и не подозревали, какие страсти кипят под боком. Но я в силу своей информированности был в курсе дел. И этот курс дела меня повергал в шок. Так нагло, без страха перед законом действовать можно только в той стране, которая благополучно идет ко дну. К развалу.

Я смотрел телевизор, читал газеты, выходил на улицы и постоянно получал подтверждения прогнозу, сделанному моими друзьями. Россию сотрясала агония криминальной войны – одна из стадий полного развала. Возможно, эта война на какой-то момент и стихнет, перейдет в более скрытый вариант, но остановить развал государства уже не в силах ничего. Пардон – кроме установления жестокой диктатуры нового хозяина. Вроде Рюрика, Алексея Михайловича Тишайшего⁵ или Сталина. Но таких людей в стране нет. А если и есть, то к власти они уже не придут. Не пустят.

В этой мутной воде я чувствовал себя не очень уютно. Годы, проведенные в Аберене и Ругии, приучили меня жить в постоянной готовности к отражению нападения, к тому, что могут ударить из-за угла, выстрелить в спину. У меня выработался так называемый рефлекс предбоя – того состояния, какое бывает в преддверии схватки, сшибки.

Так вот здесь, «дома», я жил в этом состоянии постоянно. Нервы от такого режима, понятное дело, были натянуты до предела. Никаким аутотренингом, самогипнозом и прочими психологическими примочками их не успокоить.

Оставалось одно проверенное средство – алкоголь. И я бы им воспользовался, если бы не мое отношение к нему. Отношение весьма своеобразное – никакое. Могу выпить немало – проверено. И перепробовал многое, но... ни кайфа, ни тяги. С тем же успехом можно хлебать молоко и газировку. Организм и раньше быстро переваривал спирт, а теперь и вовсе не замечал его. Пей, не пей – никакого толку.

Так и жил, давя в себе странного зверя, проснувшегося однажды на поляне у Храма, и постоянно охлаживая, останавливая. «Все нормально, надо привыкнуть, не лезь, не смотри...» В общем, кое-как существовал.

...На тренировке показывал работу штыком и при одном из выпадов неудачно ткнул парню стволom. Вернее, наоборот, удачно. Попал в самый низ кадыка. Не очень сильно, но точно. Парень минуты три приходил в себя, кашлял, слезы лились рекой, он даже не вытирал их, держал руки на шее.

Откачали его быстро, привели в чувство. Я извинился, дал ему отдохнуть, а с остальными продолжил занятие. После тренировки, когда все ушли, Юрка и Макс зашли ко мне в раздевалку.

Минут двадцать, пока я собирался, они рассказывали новости конторы. Кто пришел, кто ушел, что подельывает Жорка и как идет бизнес. Дружно ругали Корешкова и его барские замашки. Порядки, что он устанавливал в новом ЧОПе, были многим не по душе.

– Он и о тебе говорил...

– Что говорил?

– Что зря тебе доверили тренировать группу. Мол, ушел без причины, и теперь чужой. Еще не тому научишь...

Я усмехнулся. Корешкова бесит, что деньги за подготовку получает не он и его приятель. Вот и какает Жоре на мозги.

– Хочет, чтобы мы записывали все, чему ты нас учишь, – добавил Макс.

– Это как? – не понял я. – Приемы, что ли, запоминать и после тренировки их на бумагу переносить?

– Вроде того.

⁵ Отец Петра I.

Я по очереди посмотрел на понурые, виноватые физиономии парней и засмеялся. Этот кретин хочет свистнуть приемы, чтобы потом выдать за свои. Идиот! Приемы тут ни при чем, все дело в методике. А парни ее никак знать не могут, потому что проходят усеченные курсы. И потом, чтобы понять методику, надо быть хорошим тренером. Самому готовить людей, понимать, что и как происходит, а не тупо перенимать движения. Они-то как раз вторичны.

Надо же догадаться! Да еще парней подговорить. Чем он их припугнул?..

– И что он вам наплел? Что уволит?

– Нет. Уволить он нас не может, по группе решает только Жора, – с некоторым облегчением произнес Юра.

Боялся, что я решу прекратить подготовку. А тренировки им были по нраву, я видел это по их лицам, по желанию, с каким они пахали на занятиях.

– Вы Жоре скажите об инициативе этого придурка, пусть он выдаст компетентное мнение.

– Артур, мы все спросить хотели, – неуверенно начал Юрка, поглядывая на Макса. – Ты нас гоняешь, как негров на плантации. И такие вещи рассказываешь, о которых мы никогда не слышали. Хотя у нас некоторые и в десанте служили, и в морской пехоте.

– Это плохо?

– Да нет... – подхватил Макс. – Просто непонятно. Мы вроде как группа быстрого реагирования, а не спецназ. А натаскиваешь ты нас сильно. Даже, как ты говорил, и по короткой программе.

Я вновь обвел их взглядом, мысленно отметил, что парни сообразительные. Поняли, что объем материала явно выходит за рамки обычной программы охранников, пусть даже из ГБР.

– Что вам сказать, парни. Я не знаю, какие задачи перед вами поставит Жора, но, думаю, они никаким образом не будут касаться подметания дорожки перед офисом и похода на рынок за мясом. Возможно, то, что вы станете делать, выходит за рамки закона, и противостоять вам будут братки не из последних. Я не хотел бы, чтобы вы сложили свои головы в какой-нибудь потасовке или перестрелке в подворотне. Или попали под раздачу на очередной стрелке. Жора хоть и обходит острые углы, но иногда даже он не в силах обеспечить спокойствие бизнеса только легальным, законным путем. И тогда настанет ваш черед.

Они задумались. Нарисованная картина не отличалась привлекательностью и оптимизмом. Наоборот, сквозила нешуточной опасностью.

– Думаешь, нам предстоит схлестнуться с бандюками?

– Не знаю. Но исключать такого нельзя. И потом, бандюки – полдела. Хуже, если вам придется пойти против... скажем так, органов правопорядка. В каком-то отдельном случае...

Пожелав спокойной ночи, я пошел к машине, оставив парней осмысливать услышанное. Судя по всему, они впервые всерьез обеспокоились перспективой и возможными последствиями.

Ничего, пусть попереживают. Полезнее будет. Уйдет наносная круть из головы и шапкозакидательское настроение. А то они последние недели ходят гоголем, видя, что на занятиях получается то, что раньше никак не выходило. Размышления еще никому никогда не вредили...

...Хотя нет, наврал. По поводу размышлений, что не приносят вреда. Мне-то эти самые размышления скоро мозги осушат. Потому как голова упорно катает старые воспоминания, не давая покоя даже во сне. Особенно во сне. Подсознание ни с того ни с сего вдруг решило еще раз проиграть все три года скитаний, только в виртуальном варианте. Все, начиная от первого перехода и заканчивая последним боем на пороге Ворот.

Поняв, что поделать с этим ничего не могу, я сначала просто смотрел сны, как кино. А потом попробовал кое-что изменить. Подправить сон. И в какой-то момент это удалось. Так я понял, что могу влиять на сон. Управлять им. А это прямой путь к управлению подсознанием.

Еще не зная, к чему приведет странное увлечение, я упорно тренировался, понимая, что организм под влиянием мутации выдает новые способности на-гора. И что это – не последний фокус организма...

...Есть в году день, когда вся академия встает на уши, и нормальный ритм жизни вдруг приобретает бешеный темп. По этажам проносится шумный многоголосый вал с топанием по ступенькам, с хлопанием дверей и со скандированием речевок типа «РТФ⁶ – вперед!» или «Да здравствует радика!».

В аудитории, где солидные, умудренные сединой профессора и доценты ведут лекции, вдруг врывается толпа, лезет обниматься с преподавателями, фотографируется, невнятно кричит, что-то пишет на доске и так же внезапно исчезает. Чтобы через минуту влететь в другую аудиторию и повторить процедуру варварского танца.

И так по всей академии. По всем этажам и переходам. Но никто их не останавливает. Не пытается прекратить бесчинства, повлиять на разошедшихся студентов.

Улыбаются профессора, довольно хмыкает декан, а Злобин⁷ задумчиво посматривает из окна своего кабинета и на все возмущенные вопли начальника охраны невозмутимо отвечает: «Ничего страшного».

Причина такого всепрощенчества одна. Сегодня – последний звонок у пятого курса. Сегодня сотни студентов заканчивают обучение, и у них праздник. Гуляет выпускной курс! Все, свобода! Впереди только экзамены и диплом!

...Я с двойным чувством наблюдал, как мои однокурсники летают по этажам, прыгая, крича что-то невнятное и забегая в кабинеты. Учеба окончена, все позади. На душе щемящая тоска, грусть. Самого бегать по лестницам не тянуло, хотя настроение было приподнятое.

Мои товарищи по скитаниям все-таки присоединились к всеобщему ликованию и тоже бродили по академии. На губах улыбки, в руках колокольчики и трещотки, а глаза застывшие. Нет обычной радости, нет искренности. И веселье их немного наигранное.

На выходе из академии меня перехватили девчонки – Оксанка и Лена.

– Артур, погоди.

Я замер на последней ступеньке, глядя, как они спускаются вниз. Оксана при этом держала руки перед собой. Живот стал заметен даже под курткой, шел, наверное, пятый месяц беременности.

Девчонки встали рядом, Лена сдула локон волос со лба и сказала:

– Наш поток⁸ надумал отметить последний звонок в Солотче, на базе отдыха. Завтра. Дискотека с ночевкой.

– Неплохо.

– Ты как? Присоединишься?

– Вряд ли, – с некоторым сожалением ответил я. – Идея классная, но времени нет. Много дел.

Оксана глянула на Лену, добавила:

– Едут почти все. У одного парня там знакомый работает, он все устроит. Довольно дешево. Стол накроют, остальное с собой привезем. Зал большой, все поместимся. Последний звонок, неужели не поедешь?

– Нет. Не успею...

⁶ Радиотехнический факультет – профилирующий в академии.

⁷ В описываемое время – ректор радиотехнической академии.

⁸ группы одной специальности на факультете.

Никаких особых дел у меня не было, только вечерняя тренировка, но я просто не хотел куда-то ехать, сидеть за праздничным столом, видеть радостные лица студентов, пить водку, танцевать... при том, что вообще не умею передвигать ноги под музыку.

– Вряд ли, – повторил я, отметив легкое недовольство на лице Лены.

Та скривила губы, бросила:

– Как хочешь.

Потом повернулась к Оксанке:

– Зайду на кафедру. Встретимся на остановке.

Она пошла обратно в здание. Оксана проводила ее задумчивым взглядом, как-то странно хмыкнула и вдруг сказала:

– Пентюх ты, Артур!

– Не понял?

– Да так. – На губах Оксанки играла невеселая улыбка. – Наверное, ты и вправду не замечаешь, потому что так придуриваться не станешь.

Я озадаченно посмотрел на нее, соображая, что нашло на девчонку. Та сунула руки в карманы куртки и с несколько загадочной миной произнесла:

– Ты что, не замечаешь, как она на тебя смотрит?

– Кто? – совсем растерялся я.

– О господи! – вздохнула Оксана. – До чего мужики бывают тупыми! Да Ленка! Ленка на тебя смотрит, остоноп!

Я буравил девчонку пристальным взглядом, соображая, чего это нашло на обычно вежливую и спокойную Оксану и с чего она решила начать столь странный разговор.

– Она же вроде с Андреем, – сказал я, пытаюсь прояснить происходящее.

– Она, она, – передразнила Оксанка. – Не она, если на то пошло, а Алка. С Аллой Андрей был всегда, раз ты не знал.

– Не знал, – кивнул я.

– Ну конечно, ты же у нас ничего не знаешь. Ты же делами однокурсников никогда не интересовался.

Оксана хмыкнула, глядя на мое растерянное лицо, и пояснила:

– Андрей был вместе с Аллой еще до... провала. А там, в Аберене, начал за Ленкой ухлестывать. Иначе и быть не могло, если помнишь.

– Ну-у...

– Ах да, ты же с нами в столице не был, не в курсе тамошних проблем. Так вот, там они были вместе. А потом Андрея выкинуло сюда, а Лена... И после твоих подвигов, особенно после чудесного спасения Ленка начала думать о тебе больше, чем... чем надо. Понял теперь, господин полковник?

Понял. Понял, что, не зная того, затронул нежные чувства однокурсницы, оставил в ее душе слишком заметный след. Ничуть не желая этого. Нет, Ленка – девчонка видная, красивая. По ней, насколько я, конечно, в курсе, не один студент сох. Но я-то подобных «чуйств» не испытывал. Были на то свои причины. Довольно уважительные для меня.

А теперь выходило, что своим поведением невольно способствовал возникновению особых чувств со стороны нашей Алены.

– Ну что молчишь, как истукан? – напористо спросила Оксана. – Вник?

– Вник. Слушай, а как же Андрей теперь с Аллой?

– О господи! – возвела очи к небу Оксанка. – Какие же мужики иногда тупые! Да какая тебе, если вдуматься, разница, с кем Андрей?! С Алкой, если хочешь знать. Она ж ему на шею бросилась, как только он обратно попал. Ни на шаг от него не отходит, все хочет узнать, где он пропадал. Он теперь на Лену смотрит глазами больного щенка!

Столь эмоциональный монолог ранее был несвойственен Оксанке. Наверное, беременность повлияла, сделала более рассудительной и циничной одновременно.

– Так что ты решил? – не отступала она. – Едешь?

– Нет, красавица. Не еду. А Лене, если хочешь, объясни: я – не герой ее романа. Недостойн такой красавицы.

Оксанка посмотрела на меня, как на законченного идиота, многозначительно кашлянула и пошла обратно к входу. А я смотрел ей вслед и чувствовал себя далеко не самым умным. А точнее – дураком. Потому что отверг такую девчонку!..

Если быть с собой честным, она мне нравилась. Внешностью. Красотой. Умом, характером, нравом... словом, всем. Всем, что может привлекать мужчину в женщине. Кроме одного. Она была студенткой радиоакадемии. А студентки для меня – табу.

...Раньше, три года назад, я так не думал. Тогда у меня, только взявшего академический отпуск вроде как по болезни (на самом деле для того, чтобы вплотную заняться зарабатыванием денег на «командировках»), взгляды на общение с противоположным полом в стенах института⁹ были другие.

И запал я – молодой и горячий – на одну девчонку с другого факультета. Она только поступила в вуз и сразу попала в поле моего зрения. После чего поле моего зрения с нее не сходило.

В те годы была очень популярна шведская группа «Эйс оф Бейс», так вот девчонка здорово походила на одну солистку популярного ансамбля. Высокая, стройная, с длинными белыми волосами, собранными в высокую прическу. Нежные черты лица, огромные карие глаза, сочные губы. В общем, мечта любого мачо!

Однако характер у этой мечты был под стать внешности. Гордая, недоступная, строгая. Цену себе знала и лишнего взгляда на парней не бросала. В общем, та еще мамзель. И при том вполне общительная, веселая, с чувством юмора. К этому стоит добавить острый ум и не менее острый язычок.

Словом, понятно, что парни от одного ее вида теряли головы, но их попытки завязать тесное знакомство заканчивались одинаково – ничем.

Но я обо всем этом не знал. Тогда мы только вернулись из первой «командировки» с приподнятым настроением, окрыленные успехом, и уверенности в своих силах было хоть отбавляй.

Я увидел ее случайно, у входа в библиотеку, она стояла вместе с какой-то подружкой и разговаривала. Судя по выражению лица – о чем-то веселом. Устоять перед ее очарованием не смог и сделал заход.

И мы подружились. Видимо, к обоюдному удивлению (я – от неожиданного успеха, она – от моего напора). И стали встречаться. Сначала не очень часто, потом больше, больше.

Имя у нее было красивое, звучное – Снежана. Как потом я узнал, в ее роду имелись болгарские корни. Отсюда и карие глаза, и сочные губы, и чуть резковато очерченные скулы.

Видимо, я влюбился, по крайней мере мои чувства вполне подходили под это определение. И как каждый влюбленный, я здорово переживал за предмет воздыхания.

Снежана привыкла носить вещи яркие, броские, любила показать себя во всей красе. Я не раз предупреждал ее, чтобы была поосторожнее, не забывала об элементарных мерах безопасности. Обучил кое-каким приемам и принципам самозащиты. Но Снежана мои советы зачастую оставляла без внимания. Ее гордый характер, мало изменившийся после нашего знакомства, давал о себе знать. Она полагала, что никто и никогда ничего ей не сделает.

⁹ До осени 1993 года радиоакадемия была институтом.

На одном из свиданий мы немного повздорили, я даже не помню, из-за чего. Снежана высокомерно повела плечиком и хлопнула дверью. Такое уже бывало, она уходила, а через день-два сама звонила и искала способ примирения.

В тот раз должно было произойти то же самое, но, как назло, я на следующее утро уехал в «командировку». Мы отсутствовали пять дней, а когда приехали, все уже закончилось.

...Снежана поздно вечером возвращалась с вечеринки домой. Шла одна, по темным улицам, по довольно мрачным местам. На повороте дороги возле нее притормозила машина. Трое здоровых парней затолкали Снежану внутрь и увезли. За город. Там сильно избили и изнасиловали. А потом выкинули на обочину и уехали.

Снежана пришла в себя от холода, кое-как смогла доползти до трассы, где ее и подобрала жители соседней деревни. С многочисленными ушибами, ссадинами и синяками, а также с травмами внутренних органов она угодила в больницу.

Но не в них было дело. Молодое тело быстро поправилось. Гораздо хуже дело обстояло с нервами. От пережитого стресса психика дала сбой. Снежана вздрагивала от любого шума, не могла выйти на улицу, боялась посмотреть на мужчину.

По вызову милиции из другого города приехали ее родители и после недолгих разговоров увезли с собой.

Я опоздал буквально на полдня. Мы приехали рано утром, я проспал несколько часов, а потом поехал к Снежане домой, на съемную квартиру. И застал хозяйку. Она-то мне и поведала всю историю.

...В тот раз «командировка» вышла «горячей», со стрельбой и кровью, и мы, уставшие до предела, оставили все нервы там, вдалеке от дома. Поэтому я смог выслушать все относительно спокойно.

Так же спокойно я выслушал следователя из прокуратуры, который вел дело Снежаны, ее подругу, когда та рассказала мне подробности истории, и мать моей девчонки, когда позвонил к ним домой в другой город. Та сказала, что Снежана забрала документы и уехала на юг, к двоюродной тетке. Адрес назвать категорически отказалась. И передала просьбу Снежаны – не искать ее. Никогда!

Мои парни, когда я поведал им о своем горе, в четыре голоса убедили меня выполнить просьбу Снежаны – забыть и не искать.

«Лучше тебе не будет. И ей тоже, – говорили они. – Не делай ошибку, за которую всю жизнь будешь себя корить...»

Я их послушал. И начал поиски. Тех подонков. Своими способами. В этом мне помогли. И парни, и Жорка, и знакомые из разных... команд.

Мне повезло, двоих я нашел раньше милиции. После тесного общения с ними оба попали в реанимацию с диагнозом «пожизненная инвалидность». У них было переломано все, что только можно сломать, и отбито все, что реально отбить. И в первую очередь – орудия насилия.

Третий попал в милицию. Случайно, во время одного из рейдов. На мою очень горячую и настойчивую просьбу отпустить его под подписку о невыезде знакомый опер сказал:

– Хватит с тебя и двоих.

– Ты о чем? – сделал непонимающий вид я.

– О том самом. Оставь одного для суда.

Я поиграл желваками, но ничего поделать не смог. Пришлось понадеяться на обещание одного человека, сказавшего:

– Он получит свое на зоне. Сразу же.

Слово этот человек сдержал, и моя душа, успокоенная местью, немного отошла. Однако еще долго болела. Я винил себя, ругал, что не смог защитить, оградить подругу от беды, что не спас, не оказался рядом в тот момент.

...Со временем боль прошла, память услужливо отвела воспоминания подальше, затмила их новыми впечатлениями. Жизнь продолжалась. Снежану я не забыл, но теперь вспоминал ее с затаенной грустью и тоской.

И с тех пор никаких романов со студентками радиоакадемии не заводил. Понимал, что это глупо, что бывшее не обязательно должно повториться, но поделаться с собой ничего не мог. Табу, и все тут!

Поэтому интерес к своей персоне со стороны Лены воспринимал с долей настороженности, недоверия. Хотя и нравилась она мне как женщина, но никаких шагов к сближению делать не хотел. И не мог...

Пневматическое оружие – штука интересная. Стреляет металлическими шариками диаметром 4,5 миллиметра, летят они со скоростью до ста пятидесяти метров в секунду и не только легко входят под кожу, но при случае свободно дробят мелкие кости человека. Когда такая пулька попадает в глаз – инвалидность гарантирована. А иногда и смерть.

Вот таким «игрушечным» оружием мы и работали на тренировках, устраивая в закрытом зале целые баталии. Работали, разумеется, в защитном снаряжении, которое надежно предохраняло от травм, но при этом давало в полной мере испытать все прелести попадания шарика. Когда в тебя бьет металлическая пулька – ощущения непередаваемые.

Этих самых ощущений сегодня мы хлебнули вдосталь. Когда я скинул амуницию, то насчитал на теле и конечностях десятков кровавых отметин – результаты снайперской работы моих спарринг-партнеров. Впрочем, они наблюдали на себе такие же отметины.

– У тебя атомный движок, что ли? – хмыкали они, вытирая распаренные физиономии полотенцами и жадно поглощая воду из холодильника. – Летаешь как заведенный.

– Привычка.

Парни понятливо кивали и поглядывали на мои раны с уважением. Они-то работали вдвоем-втроем против меня одного. И большую часть схваток выиграл я.

– Ладно, попрыгали хорошо. А теперь надо отдохнуть. Как насчет одного загородного дома с сауной и девочками?

Этот дом я знал – что-то вроде мини-санатория. Теннисный корт, сауна, бассейн, бильярд, несколько спален на втором этаже. Отличное место для отдыха. Предложение хорошее, но мне сегодня лень куда-то ехать.

Так я и ответил.

– Как хочешь. Тогда в следующий раз.

– Да. В следующий раз.

Мои товарищи по тренировкам были бизнесменами средней руки. А тренировки – хобби, которое они считали нелишним в наше веселое время. Поэтому и занимались с прилежанием и желанием. Отношения у нас были нормальными. Я не лез в их дела, они не спрашивали ничего у меня. Эдакая вежливая корректность. Несколько раз отдыхали вместе, но на дальнейшее сближение не шли. Я к этому не стремился, они тоже. Зато на занятиях царили самые дружеские отношения. Здесь мы отводили душу...

– До понедельника.

– Пока.

Несколько рукопожатий, и две машины исчезли за поворотом. Я закрыл зал, забросил сумку в багажник «восьмерки» и завел мотор.

«Надобно перекусить, – мелькнула мысль. – Весь день не ел...»

Я счел ее неплохой и повел машину к одному заведению, где любил бывать раньше.

Кафе «Редон» принадлежало одной семейной паре – выходцам из Азербайджана. Сюда они приехали в начале девяностых, когда там, на юге, всюду шла война. Через какое-то время открыли свое заведение и почти сразу попали в сферу интересов одной из криминальных групп

пировок. У семейной пары хватило ума закрыть заведение и соскочить с крючка бандитов. Чуть позже через знакомых они вышли на Жору и предложили создать подшефное ему кафе. Тот был не против. Так возник «Редон». Года три назад на него попробовали наехать некие беспредельщики. Мы провели с ними разъяснительную работу, и бандиты (кто выжил) от заведения отстали.

Кормили в «Редоне» замечательно, и я – большой любитель кавказской кухни – частенько здесь обедал. Раньше. После возвращения в свой мир заглядывать в кафе не приходилось. А тут выпал вполне подходящий момент, и я не устоял.

...На небольшой стоянке перед кафе было около десятка машин. Я поставил «восьмерку» с краю и неторопливо пошел к входу, по привычке внимательно оглядывая подходы к зданию. Вновь срабатывали рефлексy.

...Внутри, как обычно, слегка пахло жареным мясом, специями и свежими овощами. Непередаваемый аромат дробил холодный воздух кондиционеров. Полумрак зала, разноцветные огни на потолке и на стенах, негромкая музыка. Атмосфера уюта и спокойствия. Такая обстановка была мне сильно по душе. Не люблю шум и гам в ресторанах, запах табака и крики подвыпивших клиентов.

Не успел я пройти нескольких шагов, как ко мне подошел администратор кафе Анвар – высокий представительный мужчина лет сорока. Мать у него была азербайджанкой, отец – русским. Сюда он приехал чуть позже хозяев заведения и стал работать вместе с ними. Как всегда, улыбчив и гостеприимен.

– Арту-ур! – чуть растягивая слова, произнес он, прижимая одну руку к сердцу, а другую протягивая мне. – Сколько лет, сколько зим! Давно не заходил! Совсем пропал, да!

– Привет, Анвар. Сколько ни пропадай, но в «Редон» все равно зайдешь. – Я пожал его руку. – У вас все так же уютно и тихо. Как не зайти. Места есть?

– Для тебя, дорогой, – всегда. – Анвар чуть приобнял меня и сам повел к привычному столику, стоявшему за небольшой ширмой в углу зала. Столик когда-то мы выбрали сами. Отсюда хорошо виден весь зал, рядом проход в подсобное помещение. В случае любых осложнений можно легко уйти через второй ход или занять оборону, если кто-то попытается заскочить в двери.

– Мы за этот стол редко кого сажаем и только днем.

Анвар как деликатный человек с большим жизненным опытом никогда не задавал лишних вопросов и держал язык за зубами. Вот и сейчас, хотя его и разбирало любопытство, он ничего не спрашивал. Ни о моей внезапной пропаже, ни о не менее внезапном визите.

Я сел за стол, пододвинул ближе кожаную папку с меню и спросил:

– Что-то новенькое у вас делают?

– А как же, Артур, а как же! Наполовину меню обновили. Много русских блюд, много кавказских. Сам посмотри.

– Скажи, а шашлыки из баранины остались или нет?

Анвар даже руками замахал.

– Канэчна, дарагой! Канэчна!

По-русски он говорил не хуже меня, но сейчас специально подпустил в голос южного колориту и даже языком цокнул, усиливая акцент.

– Всэгда шашлык ест! Еда настоящих мужчин, да!

– Ладно, ладно, – улыбаясь, остановил я его. – Понял. Тогда как обычно: две порции, зелени побольше, соус поострее.

Анвар кивал в такт моим словам, даже не доставая ручку и блокнот. Мои пристрастия знал наизусть. Выслушав заказ, изогнул бровь и с хитрецей спросил:

– А лаваш нужен?

– Канэчна, дарагой! – симитировал я акцент. – Абязателна.

Заверив меня, что все будет как надо и быстро, Анвар пошел на кухню. Я проследил за ним и глянул на часы. Минут через десять шашлык будет готов. Можно ручаться, он даже возьмет заказанное мясо, лишь бы успеть в срок.

Такое уважение, конечно, заслужить одним знакомством нельзя. Тем более у работников подобных заведений. Все дело в том, что когда-то мы вытащили Анвара из одной неприятной переделки с милицией. Вытащили, если быть откровенным, из-под статьи. Анвар, хоть наполовину и русский, имел горячую кровь.

Однажды к нему и его спутнице прицепились несколько подвыпивших братков. Мол, какого хрена азер гуляет с русской девчонкой. Анвар не выдержал и вскипел, братки вытащили кастеты и ножи. Анвар, отслуживший некогда в десантном разведбате и имеющий за спиной Афганистан, здорово покалечил напавших. За что и попал в отделение. Хозяева кафе бросились к нам с просьбой вытащить горячего земляка.

К счастью, в РОВД у нас были знакомые. Как, впрочем, и среди братвы. Ящик водки, пять бутылок коньяка, богато накрытый стол свели проблему к нулю. Побитые братки претензий к Анвару не имели, заявлений не писали – запахло, а в милиции были рады – меньше суеты.

С тех пор Анвар проникся к нам глубоким уважением и демонстрировал его при каждом случае. В «Редоне» мы чувствовали себя как дома.

...Пока готовили заказ, я сходил в туалет, помыл руки. Вытирая ладони полотенцем, обнаружил еще одну кровавую отметину на тыльной стороне запястья. От воды корочка намочила и слегка отошла. По коже тонкой струйкой потекла кровь.

Я вытер запястье бумажным полотенцем и пошел к выходу. Проходя по залу, заметил несколько знакомых лиц. За большим столом в дальнем углу зала сидела Жоркина секретарша Оля в окружении пары подружек и двух мужчин. Одного из них я знал, он был специалистом по маркетингу.

Оля заметила меня, слегка кивнула, что-то шепнула подружкам. Те повернулись в мою сторону, провожая любопытными взглядами.

«Новая сплетня готова, – усмехнулся про себя я. – Оленька, конечно, умница и хороший секретарь, но иногда не умеет удерживать язычок за зубами. Завтра же весь офис будет знать, что я заходил в кафе...»

Анвар, как всегда, был на высоте, как, впрочем, и повара. Мясо аж дымилось. Сверху жесткая корочка, внутри тающая мякоть. Лаваш свежий, только выпеченный, помидоры тугие, сочные, соус острый... Я и не заметил, как уничтожил обе порции. Покончив с мясом, опустошил полулитровый графин сока и минут пять сидел с довольным видом, раздумывая, не стоит ли заказать еще порцию. Потом решил, что хватит, и попросил подойти официантку.

– Счет, пожалуйста.

Расплатившись, вышел на улицу, вдыхая свежий воздух и прикидывая, куда ехать. У меня еще с прежних времен были две подружки, молодые задорные девчонки. Одну я после возвращения навестил, второй только звонил. Сегодня они вроде свободны, можно зарулить к какой-нибудь или пригласить к себе. Коротать ночь одному очень не хотелось.

Пока я размышлял, как быть, мимо меня к кафе прошли несколько пар. Я скользнул по ним взглядом, повернул голову обратно и застыл. По ступенькам к дверям шла молодая девушка лет восемнадцати. Длинные каштановые волосы, мягкий овал лица, большие глаза нежно-серого цвета, ямочки на щечках. Фигура обалденная, ноги, как говорят, от ушей, высокая грудь, талия осиная. Прелесть!..

Она была одна, без спутников, что выглядело невероятным. Такая красotka – и в одиночестве! Я проводил ее вожделенным взглядом, оценил неприступный гордый вид и про себя отметил: вряд ли стоит пробовать подойти. Судя по всему, отошлет. Бывают такие девчонки, один их вид говорит, что даже не стоит пытаться. А жаль...

Красавица исчезла в кафе, а я глянул на часы, раздумывая, какую из подружек пригласить. В этот момент по ступенькам вверх взбежали два парня. Один прошел совсем рядом со мной, и я отошел вправо, чтобы пропустить его. Парень взглянул на меня, сделал шаг дальше и вдруг остановился.

– Это вы?

На меня смотрело веснушчатое лицо молодого паренька лет восемнадцати. Лицо смутно знакомое.

Ах да! Это несчастный возлюбленный той девчонки, что я подвозил в больницу с травмированной ногой. Трудно забыть его еще по-детски припухлое лицо и рыжие веснушки на носу и щеках.

– Это ведь вы?! – скорее утвердительно повторил он, широко раскрывая глаза.

Судя по всему, нежданная встреча его чем-то обрадовала. Он ухватил меня за рукав куртки и почти закричал:

– А я уж и не знал, как вас искать!

– Зачем меня искать-то?

– Как же! – восторженно зашепел он. – Я хотел спасибо сказать. Вы тогда спасли Юльку! Ой!

Он притопнул ногой и глянул в сторону кафе.

– Мы сегодня отмечаем ее день рождения! Она же здесь. Пойдемте с нами! Вот ей подарок будет!

Выступать в роли подарка мне еще не доводилось. И идти куда-то, с глупым видом выслушивать слова благодарности, кивать, смотреть на обрадованные глаза девчушки и ее воздыхателя...

– Слушай... Женя, да?

Парень с готовностью кивнул.

– Вот-вот, Женя. Не стоит устраивать представление. У нее все хорошо? Нога зажила?

Новый кивок.

– Отлично. Я рад! Думаю, этого хватит.

– Нет! – воскликнул Женя. – Так не пойдет! Юлька меня достала, чтобы я отыскал вас, а теперь и вовсе не простит, если упушу.

Слушать его наивный лепет было смешно. Как он собирался найти меня в городе и почему его подружка так настойчиво искала встречи со мной?

– Вы погодите минуту, – снова ухватил он меня за рукав. – Я мигом. Юльке скажу. Подождите!

Не слушая возражений, он исчез в кафе. Я поправил рукав, скривил губы в усмешке и глянул на часы. По-хорошему, следовало валить отсюда, дабы не стать участником банального спектакля под названием «спасенная благодарит своего спасителя». Тем более никакого спасения и не было.

Да и надо так сделать. Но что-то удержало меня на месте. Уж конечно, не жажда горячей благодарности из уст молоденькой девчонки и не ее налитые слезами радости глаза.

Но тогда что? Какое-то шестое чувство, интуиция? Или просто нежелание решать насущный вопрос с подружками и возможным замещением на случай их отсутствия. Черт знает, почему я не сошел по ступенькам! Остался, и все тут!

Да и не было у меня времени на бегство. Буквально через двадцать секунд из распахнутой двери выскочил Женя, а следом и его пассия – Юля. Она выбежала в одной кофте, забыв набросить пальто.

– Вот он! – кивнул в мою сторону Женя.

– Ой! Вы?! – Девчушка подбежала вплотную, обеими руками ухватила мою руку и буквально повисла на ней. – Нашлись!

Я скрыл улыбку по поводу столь странного определения и чуть склонил голову:

– Здравствуй, красавица! Рад, что ты жива и здорова.

– А я тогда так жалела, что не спросила, как вас найти, – продолжала удерживать мою руку Юля. – Врачи говорили, что вы вовремя меня привезли и что перевязали вовремя, а то бы могли быть осложнения. А так я за неделю поправилась. Смотрите, уже все прошло.

Она отошла на шаг и встала на носок выздоровевшей ноги, показывая, как все зажило.

– Вот.

– Отлично. – Я уже не сдержал улыбки, глядя на непосредственную малышку. – Рад за тебя.

– Пойдемте с нами! – выпалила она, вновь хватая меня за руку.

– Да, пойдемте, – подхватил Женя, следивший за своей возлюбленной с гордостью и нежностью. – Там стол накрыт, все ждут.

– Да нет, ребята, нет смысла. Я рад, что обошлось, но мешать вам...

Договорить мне не дали. Они обступили меня с двух сторон и начали горячо уговаривать.

– Пошли!

– Обязательно. У меня сегодня день рождения! Совершеннолетие. И я не хочу его отмечать без своего спасителя. Это нечестно.

Я переводил взгляд слева направо и с трудом сдерживал себя, чтобы не рассмеяться. Ну, чисто два восторженных щенка, повисли на мне и довольно пищат! Ё-моё, как тут обидеть это наивное дитя и ее не менее наивного парня? А ведь обидятся, если откажу.

Послушав их еще секунд пять, я плюнул на условности и свои планы и нехотя произнес:

– Ладно, ладно. Убедили. Иду. Вы где сидите?

– Во втором зале, справа.

– Понял. Вы идите туда, а я приду через пять минут.

– Честно? – заглянула мне в глаза Юля. – Не обманете?

– Честно. – Я с трудом удержался, чтобы не погладить ее по голове, как котенка. – Приду.

– Ждем! – напомнил Женя, открывая дверь подружке.

– Угу.

Я с минуту постоял на улице, кривя губы в усмешке, потом вздохнул и дернул дверь на себя. Ну, коль гулять, то гулять. Потом разберемся со своими чувствами.

А сейчас...

– Всо понял, дарагой, всо! Будэт гус, такой будэт, што палчики оближиш! – Ахмат, один из поваров, даже причмокнул, показывая, какой будет гусь. – Скоро сделаем. Вот сматри, вот гусь!

Я проследил за его рукой и увидел, как из огромного холодильника достают птицу. Анвар, стоявший рядом, одобрительно закивал головой.

– Очень хорошо, буду ждать. – Я повернулся к Анвару. – А пока три бутылки шампанского... и еще три чуть позже.

Анвар опять кивнул.

– Сейчас принесут.

– Тогда пока все, я пошел.

...Идти на день рождения с пустыми руками неудобно, и я, пока стоял на улице, усиленно соображал, как лучше поздравить именинницу, причем сделать это с выдумкой. Чтобы было оригинально и неожиданно. Потом придумал. И зашел к администратору. Анвар внимательно выслушал меня, провел с собой на кухню, где я лично высказал повару, что и как сделать.

Запекать птиц здесь начали не так давно. Гуси, утки, индейки. Кроме этого, целиком готовили молочных поросят и зайцев. Клиенты были довольны, часто заказывали деликатесы, особенно для больших застолий и свадеб.

В общем, с подарком дело решено. Оставшись довольным, я не спеша пошел ко второму залу. Навстречу выскочил Женя. Увидев меня, махнул рукой.

– Ну, вы где ходите? Мы уже заждались! Думали, что вы ушли.

– Женя, – не сдержал я улыбки. – Во-первых, давай будем на «ты». А во-вторых, если я обещал, значит, приду. Понятно?

– Понятно, – мгновенно среагировал тот. – А как ва... тебя зовут?

– Артур.

Мы пожали друг другу руки и вместе вошли в правый отсек зала. Здесь за ширмой был длинный стол и две скамейки, покрытые дерматином. Во главе стола восседала именинница, а рядом сидели еще пять человек – два парня и три девчонки.

– О! А вот и мой спаситель! – воскликнула Юля, увидев нас.

Пять пар любопытных глаз повернулись ко мне. Я усмехнулся, услышав такое представление, кивнул и сказал:

– Добрый вечер! Прошу прощения за незваное вторжение, но эта пара меня буквально затащила сюда!..

Говоря это, я обводил молодежь взглядом и вдруг замер, заметив слева от Юли давешнюю красавицу, что видел на входе. Сейчас на ее лице не было высокомерного неприступного выражения, наоборот, на губах играла улыбка, глаза задорно блестели. Она о чем-то шепталась с соседкой, искоса поглядывая на меня.

Вот те на-а! Это я удачно зашел!

Женя встал рядом со мной и торжественно провозгласил:

– Это Артур, прошу любить и жаловать!

– Артур, – позвала Юля. – Садись рядом со мной, слева.

Она указала место возле той красавицы. Чувствуя на себе любопытные взгляды, и прежде всего этой девчонки, я сел рядом с Юлей и оглядел стол.

Что ж, жили студенты не то чтобы богато, но уж никак не бедно. Салаты, три тарелки с бутербродами, две бутылки вина, бутылка хорошей водки. Судя по всему, заказан шашлык, возможно, и еще что-нибудь. «Редон» – заведение не дешевое, отмечать здесь праздники и торжества могут себе позволить далеко не все.

– Давай я тебя со всеми познакомлю, – на правах хозяйки сказала Юля и показала рукой на сидевшую справа пару. – Это Настя и Леня. Дальше – Ирина и Гена. А это...

Рука совершила плавный полукруг и указала на мою соседку.

– Это Наташа. Вот, со всеми познакомила, так что давайте будем сразу на «ты».

– Отлично. – Я кивнул всем сразу и улыбнулся. – Что ж, именинница, застала ты меня врасплох своим появлением и днем рождения, так что никакого подарка приготовить я не сумел.

– Артур, какой пода...

Я жестом прервал ее и продолжил:

– Подготовить не сумел. Но приходить на торжество с пустыми руками все же неправильно. А посему...

В этот момент ширма отошла в сторону, и к столу подошел Анвар собственной персоной. Сохраняя на лице невозмутимое выражение, он установил в центр стола большую вазу с девятью пунцово-красными розами на длинных стеблях, а следом, под изумленные вздохи молодежи, воздвиг ведро со льдом, в котором стояли три бутылки шампанского.

Закончив дело, склонил голову и торжественно произнес:

– Поздравляю вас, мадемуазель, с днем совершеннолетия и желаю вам здоровья, счастья и непременно любви, как и положено такой красивой девушке!

Во как! Причем без всякого акцента!

У всех наступил легкий шок. Такое внимание со стороны администрации кафе, да в придачу такое уважение заставили их буквально онеметь.

Анвар, довольный произведенным впечатлением, еще раз склонил голову, поймал мой довольный взгляд и легонько подмигнул. Я показал большой палец – молоток!

– А посему позвольте поздравить вас, леди... – посмотрел я на Юлю, – с праздником! И пожелать впредь получать только приятные неожиданности.

– Господи, Артур, – ахнула та, с восхищением глядя на букет. – Зачем ты!.. Какая же красота!

Она встала, потянулась к букету и понюхала бутоны.

– Прелесть! А ты говорил, что нет подарка. А это что?

– Кхм!.. Вообще-то под подарком я имел в виду кое-что другое. Но оно будет чуть позже. Женя, сидевший с правой стороны от своей ненаглядной, вскочил и громко выкрикнул:

– Так что же мы сидим?! Давайте выпьем наконец за именинницу! Открывайте шампанское!

Он первый протянул руку к бутылке и стал ловко сдирать обертку, выказывая неплохой навык в этом деле. Я с улыбкой следил за его манипуляциями, потом взял другую бутылку и быстро открыл ее. Повернул голову к Наталье:

– Вы позволите?

– Наливай, – ответила она и улыбнулась. – А разве мы не на «ты»?

– Конечно, извини.

Я наполнил ее бокал, потом свой и посмотрел на Наташу. Черт, как же она была хороша!

Ее взгляд тоже скользнул по мне, и я не заметил ни высокомерия, ни отчужденности. Это вдруг подняло мне настроение.

Женя взял слово и, держа за руку свою подружку, говорил долго, но довольно складно. О любви, нежности, верности, красоте и... в общем, обо всем сразу.

Потом все дружно потянули бокалы в центр, раздался легкий звон, и шампанское, заиграв под ярким светом ламп, выбросило новые порции пузырьков.

Юлька завалила меня салатами, пододвинула ближе бутерброды и хлеб и буквально потребовала, чтобы я все это съел. С некоторым трудом я сумел ее убедить, что только недавно ужинал.

Затем она встала и произнесла тост в мою честь, называя не иначе, как спасителем и добрым ангелом-хранителем. Закончив говорить, шутливо попросила Женю разрешение поцеловать меня и звучно чмокнула в щеку. Как котенок язычком лизнула.

А потом началось обычное застолье. Принесли шашлыки, все стали их есть, запивать шампанским, вином, а кто и водкой. Звучали тосты, звенели бокалы, разговор стал громче. Где-то через час опять отодвинулась ширма, и официант под присмотром Анвара на огромном подносе внес исходящего паром, подрумяненного гуся, запеченного в сухарях и яблоках. Это вызвало новый приступ изумления. Значительно более сильного, чем в первый раз. Теперь на меня восхищенно смотрели все, как на волшебника. А второе ведро с шампанским добило их окончательно.

– Ну, Артур, – потрясенно выдавил Женя. – Ты и вправду как добрый волшебник! Такой фокус устроил!

Я удостоился нового поцелуя именинницы и внимательного взгляда своей соседки. Похоже, мои манипуляции вызвали интерес с ее стороны. Если бы!..

Гуся быстро разделали и, осторожно дуя на мясо, начали пробовать. Судя по выражению их лиц, повара старались не зря.

Я ненавязчиво ухаживал за Наташей, подливая шампанского, следя, чтобы ее тарелка не пустовала, изредка перебрасываясь фразами, но в настоящее наступление не переходил. Рано пока. Хотя от желания слегка подрагивали пальцы. Давно я так не хотел никого!..

За разговором выяснилось, что компания поголовно состоит из студентов. Женя с Юлей и пара Ирина – Гена – первокурсники педуниверситета. Леня и Настя – тоже первокурсники с экономического факультета сельхозакадемии. А Наталья... студентка радиоакадемии! Вот так фокус!

Я несколько секунд смотрел на нее, переживая в душе довольно сложный букет чувств, но потом вздохнул и мысленно махнул рукой. Будь что будет! Отказаться от надежды на более близкое знакомство я сейчас не в силах.

...Мы просидели еще часа два. Гусь был полностью уничтожен, шашлыки съедены, как, впрочем, и остальные угощения. Шампанское и вино выпиты. Все слегка опьянели и были невероятно довольны. Когда пришло время разъезжаться, я предложил подвезти кого-нибудь, имея в виду, конечно, Наташу.

К счастью, мой маневр удался. Она вместе с Ириной и Геней залезли в «восьмерку». А перед этим устроили бурное прощание. Юлька с Женей взяли с меня слово позвонить им на следующий день, оставили телефон и долго благодарили за сюрприз и поздравления. И вообще за то, что нашелся.

Кое-как уgomонив их, я сел в машину и завел мотор. Сперва отвез Ирину с Геней, а потом повез Наталью.

Легкий дорожный разговор, пара новых анекдотов (не пошлых, понятно), несколько осторожных комплиментов и столько же заинтересованных пылких взглядов. Достаточно пылких, чтобы показать стремление к близкому знакомству, но не настолько наглых, чтобы нарваться на резкий отказ.

Уже у подъезда, стоя у дверей, после благодарности за вечер, я спросил:

– Мы сможем увидеться еще?

– Конечно. – Наталья одарила меня насмешливым и одобряющим взглядом. – Ведь ты увидишься с Юлькой и Женей? А значит, и со всей компанией. Ведь мы друзья.

– Отлично, – кивнул я, понимая, что большего мне пока не получить. – Тогда спокойной ночи. И до скорой встречи.

Она напоследок улыбнулась и исчезла за дверью. А я сел в машину, завел мотор и с минуту сидел, приводя свои мысли в порядок. Станным вышел вечер. Неожиданным. Что-то зацепило меня в этой компании, что-то странное и... знакомое.

Не став копать очень глубоко, я вывернул руль и стал выезжать со двора. А потом, ощутив довольно сильное напряжение внизу живота, сообразил, что общение с прекрасной незнакомкой не прошло даром. И если не снять это самое напряжение, то ночь будет невыносимой.

Вспомнив адрес одной из подружек, я уверенно повел машину к ее дому, надеясь, что она не ушла гулять в город...

Минута к минуте, час к часу, день ко дню... Летели сутки, спешили недели, проплывали месяцы. Как-то незаметно проскочили экзамены, за ними неторопливо прошествовал госэкзамен, началась и закончилась преддипломная практика, и впереди туманно замаячил Новый год.

Жизнь, только недавно рвавшая вперед галопом, теперь шла спокойно и размеренно, но даже такое неторопливое шествие не оставляло следа. Ни в душе, ни в памяти.

Я прилежно сдал экзамены, оставил за спиной практику с пятеркой в зачетке и не спеша начал писать диплом, помня, что в запасе почти полгода.

Отдавая учебе несколько часов в день, остальное время посвящал тренировкам, занятиям с Жоркиной группой и работе с компьютером. Сперва по просьбе Сереги обобщил весь полученный за годы скитаний опыт, а потом неожиданно для себя всерьез увлекся военной тематикой. Начал штудировать необъятную библиотеку, что мы собирали раньше, разбираясь в хитросплетении наук, названных когда-то военным искусством.

Это было тем более странным, что стать профессиональным военным никогда не стремился, даже в армии не служил. Но, видимо, почти два года в полиции оказали сильное влияние на расстановку приоритетов. Сама жизнь накрепко связала меня с войной, сроднила, слила в единое целое. После всего пережитого опять стать мирным человеком я не смогу.

Монотонное течение жизни нарушало только одно – Наталья. Сия особа сумела зацепить меня довольно крепко, заставила обратить на себя внимание и забыть о некогда железном обещании самому себе не заводить шашни со студентками радиоакадемии.

Наши отношения развивались по весьма странному сценарию. Наташка старательно избегала встреч наедине, зато провести вечер со мной в компании своих друзей была всегда готова.

Не желая форсировать события и спугнуть настороженную девчонку, я принял правила ее игры и неожиданно для себя вошел в небольшую теплую компанию студентов. Я, который прежде исчезал из академии с последним звонком и никогда не ходил ни на вечеринки, ни на другие мероприятия.

Такая перемена здорово насторожила меня (а меня теперь настораживала любая мелочь вроде случайного взгляда на улице и мимолетного касания в коридоре академии – последствия скитаний). Но, немного поразмыслив, я не стал придавать этому много значения. Пусть будет как будет.

Странными были наши отношения. Я чувствовал себя среди ребят как взрослый среди подростков. Разница в возрасте была небольшая – семь лет, но уровень развития и отношение к жизни отличались очень сильно.

Иногда трудно было понять мотивацию их поступков, слов, удивляли резкая смена настроения и внезапные короткие раздоры. В общем, ощущения усатого няня в детском саду.

Однако мне было с ними легко. И пружина взведенных нервов понемногу отпускала, и таял айсберг в сердце, и не так настороженно смотрели по сторонам глаза. Словом – душевный отходняк.

А Наташка все держала меня на расстоянии. Сначала – вытянутой руки, потом – положенных на плечи пальцев. Потом – на дистанции сомкнутых губ, крепких объятий и наконец – того микрона, что отделяли мои губы от ее груди. Но полностью отдаться мне она пока не хотела.

Что-то удерживало ее, мешало. Я видел это, но не спешил. Ждал. Хотя ожидание с каждым разом давалось все труднее.

Чтобы не рехнуться от спермотоксикоза, я после наших встреч, а иногда и до них, утолял адский огонь жажды в объятиях прежних подружек. Но чем дальше, тем меньше это помогало. Я хотел ее постоянно, всегда и непрерывно.

Она все видела, все понимала и вроде как сочувствовала, но тянула.

Новый год мы встретили вместе в той же компании. На квартире у Ирины и Гены. Тосты, шампанское, бой курантов, восторг, улыбки и смех... Потом было турне по елкам города, снова шампанское, на этот раз из горлышка, новые крики, вспышки фотоаппаратов, запуски ракет и взрывы петард.

Слоняясь с компанией по улицам, глотая вино и лихо запуская ракеты, я чувствовал, как заживает избитая душа, как разжимают стальные объятия тиски на сердце. Это был растянутый на месяцы сеанс психотерапии, причем очень действенный, сильный. Он помог мне не сойти с ума, принять и пережить и сам факт внезапных провалов в пространстве, и скитания, и войну, и кровь, пролитую вдали от своего мира.

А когда узкая теплая ладошка Натальи сжимала мои пальцы, когда ее глаза ласкали меня взглядом, я ощущал непередаваемый подъем настроения и прилив сил.

Но новогоднюю ночь она мне не подарила. И я слегка потерял терпение. Столь долгая игра впервые загля в моей душе огонек раздражения. Возможно, этот огонек и мог бы сжечь

все, что вошло доброго в душе, но, к счастью, Леонид – самый старший в компании (кроме меня) – заметил трещинку в наших отношениях и поспешил на помощь.

– ... Не дави на нее, Артур, – сказал он как-то мне. – Не надо. Ей и так не повезло...

Леня сделал многозначительную паузу, посмотрел на меня, проверяя, дошло ли. Не дошло. Так я и сказал.

– У нее был парень... – как-то нехотя продолжил Леня. – Почти год встречались. Она ведь маменькина девочка, строгое воспитание, папа с курсов встречал и провожал.

– Каких курсов?

– Ну... английский, математика... девочка одаренная, вот родители ее и натаскивали сверх школьной программы. Натке нравилось... Вот...

– Ну и? – поторопил я его.

– Ну и вот! Около года назад как-то встретила того парня. И все! Первое чувство, самое сильное, самое главное! Курсы забыты, подружки забыты, внимание только Валику. Валентину то есть...

Леня, как-то по-воровски оглянувшись, достал из кармана пачку сигарет и нервно прикурил.

«Конспиратор хренов, – подумал я, глядя, как он торопливо смолит сигарету – „Парламент“ кстати. – От своей ненаглядной, что ли, прячется? Все играет... А рассуждает, как взрослый. Подростковый комплекс – быстрее вырасти, жить жизнью взрослого...»

– В общем, стали встречаться... Натка тоже сперва недотрогой ходила. Только поцелуи, прогулки до вечера, после одиннадцати – домой. Валик смотрел-смотрел, ждал-ждал, а потом как-то на вечеринке подпоил ее и отвез к себе. На ночь...

Дальнейшее я предугадал без труда. Вялое сопротивление, короткий и бурный секс у одного и непонимание пополам с болью у другой. Утром протрезвление, слезы, упреки, крики. А разойтись...

– А разойтись она не захотела. Влюбилась. Недели две видеть его не могла. На звонки не отвечала, по улице ходила только с отцом или с подругами.

Леня глянул на меня, кашлянул. Отбросил окурочек подальше, достал пластинку жвачки и бросил в рот, стараясь забить запах табака.

– Валик все время звонил, пытался встретиться у дома. Это мы потом узнали, что он бандит. Старший или бригадир какой-то... Вел себя очень тихо. Или боялся, что она в милицию пойдет, или просто выжидал. Выжидал, выжидал, пока не выждал.

Я поднял бровь. Интересно! Или его продырявили, или она попала в беду, а он благородно выручил. Должно было что-то произойти, чтобы растопить лед отчуждения и неприязни.

– Ранили его, – внес ясность Леня. – В бок. Отвезли Валика в больницу, успели операцию сделать, вроде обошлось. Натка случайно узнала. От одного его друга. Тот по своей инициативе приехал к ее дому, встретил и сказал, что Валик не придет. Ранен, мол. Ну, Натка и рванула туда. В больницу. Всю ночь у постели дежурила, воду подавала, одеяло поправляла. Словом, опять любовь.

«Очень романтично. Благородный разбойник и прекрасная принцесса. Интересно, почему сия мелодрама кончилась...»

– Полгода они потом были вместе. Пока ее отец их не застукал. Он откуда-то знал, кто такой Валик. Запретил Натке с ним гулять. У них там чуть ли не драки дошло.

– А кто ее отец? – спросил я.

– Начальник района... или как там называется...

Ого! Папа еще тот! Место теплое и возможности неплохие. Понятно, почему Валика знал.

– В общем, скандал дикий. С валидолом, вызовами «скорой» – маме – и уходом из дома – Наткиным.

– И в результате?

– И в результате Натка с Вальком прожили в его хате три месяца. Отношения с родаками вроде наладились... слегка. Она, когда Валик уезжал по делам, ночевала у них. А один раз он уехал и не вернулся. Совсем.

– Завалили?

– Женился. Скоропостижно. Натка едва с ума не сошла. Что там на самом деле было – не знаю. Никто из нас не знает. Только Натка слегка пришла в себя, как Валика вместе с женой по дороге из Москвы расстреляли. На этот раз совсем. Вот и все.

Леня полез опять за пачкой, достал сигарету, покатал ее в руке, но потом сунул обратно. Волю тренировал. Или боялся Насти.

– Классная история. В общем, все умерли.

– Угу. С тех пор Натка ходит как убитая. И предательство простить не может, и Валька жалко. Уже три месяца одна, никого не подпускает. Парни слюной исходят, а она ноль внимания. А тут ты.

– Ага. А тут я...

– Поэтому и говорю – не спеши. Она с тобой вроде как отходить начинает. Чаше улыбается, говорит больше.

– Угу! Я такой! Айболит... по совместительству.

– У нее скоро день рождения, – почему-то шепотом сообщил Леня. – Шестнадцатого. Вот тебе и повод...

– Учту. – Я пожал Лене руку. – Благодарю за информацию. И за совет.

– Да не за что. Мы ведь все вместе со школы. Сдружились, как одна семья. Для нас Натка...

Он не смог точно выразить, кто им на самом деле Натка, но его вид – сосредоточенный и серьезный – говорил, что она им – ого-го как близка!

– Ясно!

...Ясно, что попал на очередной любовно-криминальный роман. И теперь мне вслед за неведомым Валиком предстоит растопить сердце неприступной королевы. Быть вторым у девчонки – не страшно. Хорошо, что не сто вторым. Однако заполнить в объятия столь много проблем в одном флаконе – стоит ли игра свеч?

Покумекав для порядка над этим вопросом, я сам себе честно сказал, что все равно не отступлю, а посему взял для кумеканья другой вопрос – что дарить на день варенья?

Раздражение на недотрогу отошло на второй план. Подождем, раз немного осталось...

А потом был тот самый день рождения. Общий сбор компании на квартире Насти и Лени. Свечи, огромный торт, шампанское из холодильника, поздравления и подарки, тосты, танцы под магнитофон (в основном девчонки).

Я специально чуть припоздал, выждал полчаса и заявился в квартиру, когда первые бокалы за именинницу были выпиты и первые пожелания уже прозвучали.

Наташа в этот вечер была особенно красива, особенно желанна. И ласкова. По крайней мере не уклонялась от моих поцелуев и объятий, не прятала губ. И не стала разыгрывать излишнюю скромность, когда я преподнес подарок – золотые часы.

– Пусть они отсчитывают наше время, – шепнул я ей на ухо, когда целовал. – С этого дня. Каждый день только для нас.

Она вскинула влажные глаза, долгим взглядом посмотрела на меня и... промолчала. И только потом, когда вся компания собиралась на дискотеку, Наташка отвела меня в сторону и прошептала:

– Спасибо, милый. Я...

Не дав ей продолжить, я поцеловал ее. И сделал это скорее настойчиво, чем нежно. И она поняла. Сдалась. В результате на дискотеку компания поехала без нас. А мы впервые легли в одну постель вместе.

Она вела себя немного скованно, зажато. Словно в первый раз. Я приложил немало сил, чтобы сбить эту зажатость, помочь преодолеть последнюю преграду недоступности. В общем, вышло, как будто брал девочку.

Эта игра меня завела, полночи мы занимались любовью. А вторые полночи я слушал. Сперва рассказ о прежней жизни, потом скованное, со многими недомолвками повествование о первой любви, затем жалобу на тягостное существование последних месяцев. В общем, исповедь по полной программе. Девочка, решив, что я стал для нее близким человеком, с непосредственной наивностью выкладывала то, что вряд ли бы сказала даже матери.

Я слушал ее горячий шепот, гладил по голове, а сам прикидывал, насколько мне оно надо – все это, и стоит ли взваливать на себя чужие проблемы как плату за хороший секс с красивой девчонкой.

– Он удрал, как предатель! – уткнув нос мне в плечо, говорила Наташка. – Даже не сказал! Я до сих пор не могу его простить... Хотя теперь мне все равно...

Предателем в ее глазах, конечно, был Валик, то бишь Валентин. Валентин Сапаров. За последние дни я навел справки об этом братке и теперь был в курсе всей истории, которую мне рассказывала Наташка.

Если по чести, то Наташку он не предавал. Почти не предавал. Уехав в соседнюю область по делам, он случайно сошелся с одной подругой и провел в ее обществе две ночи. На свою беду Валик не знал, что сия особа не только имела вздорный характер, но и не достигла восемнадцати лет. Поэтому был здорово удивлен, когда она заявила ему, что хочет за него замуж.

Валик, будучи крутым парнем, послал ее куда подальше, но прилипчивая особа не смутилась. И быстро обрисовала ситуацию незадачливому любовнику: либо он женится на ней, либо она закладывает его милиции. Мол, было изнасилование малолетней. А так как папочка этой особы имел счастье состоять на неплохой должности в милиции, то проблем Валик огребал выше крыши. И вся его крутость и принадлежность к братве здесь не поможет.

Неизвестно, что бы в конце концов сделал Валик и как бы выходил из сложной ситуации, но тут к нему пришла информация, что дела, по которым он приехал в город, заинтересовали местных конкурентов. И что они имеют зуб на рязанскую команду. Причем претензии зашли столь далеко, что Валика решено убрать.

Отлично понимая, чем все может обернуться и что месть местной братвы может перейти и на рязанскую землю, он решает отвести любую, пусть даже гипотетическую опасность от Наташки.

Валик принимает приглашение шустрой особы, играет весьма скромную и скоропалительную свадьбу и увозит законную жену с собой.

Живя с ней, он помнит о Наташке, но не рискует встретиться с ней, боясь засветить ту перед возможной слежкой.

Как потом оказалось, его опасения имели все основания. Через два месяца после свадьбы, когда новоявленная жена успела осчастливить мужа заявлением о своей беременности, Валик вместе с ней поехал по делам в столицу. На обратном пути их подстерегли и превратили машину в решето. Погиб Валик, погибла его жена и их будущий ребенок.

Испытывая вполне понятную ненависть к ловкой особе, ставшей его женой, он подставил ее вместо Наташки. И увел с собой в могилу. Вот такая фигня!..

Разумеется, говорить об этом Наташке я не собирался, не стоит ворошить прошлое и давать повод для самокопания и жалости. Пусть будет как будет...

И сейчас, слушая рассказ новой любовницы, я то и дело ловил себя на мысли, что знакомство с ней и со всей компанией стало своего рода отдушиной для меня. Что заскорузлая

душа, почерневшая за последние годы, словно получила порцию свежего воздуха, что искалеченные нервы слегка стряхнули давящий груз пережитого и ослабили натяжение.

Словно судьба давала мне передышку, паузу, чтобы отдохнуть, набраться сил. Только вот для чего? За каким ей это надо? Неужели для новой подлянки?..

...В начале февраля наступила необычно ранняя для этого времени года оттепель. Снег таял буквально на глазах, с крыш падали огромные сосульки, разбиваясь под ногами прохожих. Солнце все чаще покидало укрытие из туч и спешило согреть землю слабыми пока лучами.

У милиции прибавилось работы – полезли первые подснежники. Нет, это не цветы, что так любят дарить девушкам парни. «Подснежниками» на ментовском жаргоне называют трупы, которые убийцы прячут в сугробах до весны, не утруждая себя нудными работами по выкапыванию могил.

Криминальные сводки запестрели заметками типа: «Найдена очередная жертва бандитских разборок и наездов». И с каждым днем таких заметок становилось все больше...

Город и вся страна с замиранием сердца следили за очередным актом драмы под названием «Захват и передел власти по-российски». Впрочем, это был не единственный спектакль, разворачивающийся на просторах, точнее, на обломках огромной империи. Никакие «мыльные оперы» и сериалы не шли в сравнение с этими спектаклями...

Как-то вечером позвонил Сергей:

– Привет, скиталец! Ты здорово занят?

– Не особо.

– Тогда двигай к нам. Мы с Марком сейчас в столице. Тут приехали наши однокурсники. Пообщаемся... Если есть желание...

– Есть, – мгновенно ответил я, поняв, откуда приехали однокурсники и что мы услышим. – Завтра буду.

– Давай. Ждем по прежнему адресу...

Покачав трубку в ладони, я быстро прикинул, какие дела надо перенести с завтрашнего дня на поздние сроки, проверил состояние машины и под конец позвонил Наташке. Сказал, что свидание отложим на день. Выслушав положенную в таких случаях порцию вздохов и упреков, пожелал спокойной ночи и завалился спать. Дабы без проблем доехать до Москвы, надо выезжать затемно, часов в пять утра.

...Небольшая двухкомнатная квартира на окраине столицы имела довольно убогий вид. Потускневшие обои с оборванными уголками и швами, грязные окна, давно не стиранные занавески, побитые молью ковры на стенах, полустертый паркет под ногами. Мебель старая, да и мало ее. Кроме кровати, продавленного дивана, раскладного стола и пяти стульев, ничего нет.

Диссонансом к этому выглядела новая видеодвойка «Самсунг», поставленная на старый табурет с железными проржавевшим ножками. Да пожалуй, еще большой двухэтажный холодильник с отдельной морозилкой, заполненный сейчас наполовину пивом и водкой, наполовину закусками.

В гостиной над столом висело облако табачного дыма. Дверь на большую лоджию была открыта, как и форточка на кухне, но сквознячок с трудом разгонял смог под потолком и только слегка разбавлял тяжелый букет запахов. Лоджия была застеклена, но совершенно пуста, если не считать длинной шеренги пустых бутылок из-под водки и пива.

Комнату освещала большая люстра, на которой горели три лампочки из пяти. От люстры к потолку тянулись полупрозрачные нити паутины, бросая на закопченную побелку уродливую тень.

– Ладно, давай третий, – хрипло сказал сидевший на диване мужчина в старом поношенном армейском камуфляже. На его погонах тускло отсвечивали по четыре маленькие звездочки. Он ловко разлил по стаканам водку и встал, мрачно глядя на стол.

Мы тоже встали, подняли стаканы, промедлили несколько секунд и, не чокаясь, отправили содержимое в рот. Сели обратно, каждый подхватил с многочисленных тарелок что-то из закуски и зажевал ледяную жидкость, огненной рекой прокатившуюся по пищеводу.

Я мимоходом глянул на часы. Почти восемь вечера. Мы сидели здесь уже пять часов. И судя по всему, скоро отсюда не уйдем...

...Однокурсники моих друзей по рязанскому десантному училищу приехали в Москву прямиком из Чечни. Двое – продолжать лечение, а один – хозяин квартиры – по замене.

Его возвращение вышло несколько неудачным. Жена – надежный тыл и опора военной семьи – решила, что роль верной спутницы офицера, а тем паче вдовы ей не подходит, и за три дня до возвращения мужа вывезла свои вещи. Оставила на кухне записку с объяснением, ключи и обручальное кольцо.

Муж, только вышедший из ада относительно целым и невредимым и от того вполне довольный жизнью, к уходу отнесся философски. Выбросил из квартиры все лишнее и ненужное, а также то, что могло напоминать о неверной супружнице, чтобы освободить место под новую мебель. Благо боевые он получил все и вовремя (редкость несусветная!).

А пока суд да дело, пригласил друзей посидеть, выпить и поговорить. Поговорили...

У меня, человека маловпечатлительного, много испытавшего в бурной жизни, услышанное вызвало шок. Впрочем, как и у парней.

Однокурсники Марка и Сереги воевали практически с первого дня, с декабря девяносто четвертого, успели хлебнуть всего вдоволь, и их рассказы были насыщены такими подробностями, каких никогда не услышишь по телевизору и не прочитаешь в газетах.

Хозяин квартиры неведомыми путями из десантников попал в пехоту, командовал десантно-штурмовым батальоном в отдельной мотострелковой бригаде. Он раньше всех получил майорские погоны. Двое других ходили в капитанах, один был начальником штаба батальона, второй – заместителем комбата. Оба трубили в своих родных воздушно-десантных.

Парни рассказывали откровенно, ничего не утаивая, да еще крутили видеокассеты. Как снятые ими, так и трофейные. На их кассетах запечатлены моменты боев. Снимал кто-то из участников, поэтому картинка постоянно ныряла, дергала из стороны в сторону, шла то косо, то вверх ногами. Разрушенные дома, взрывы, прыгающие фигуры, выброшенные к небу комки земли, кровь на листве, трупы чеченских боевиков и трупы солдат. Фоном к картинкам служили яростные выкрики, команды, мат и стоны, свист пуль и грохот взрывов.

На трофейных по-любительски примитивно, но со старанием засняты фрагменты пыток и казни российских солдат, заложников и рабов. Изнасилования попавших в руки двуногого зверья женщин, отрезания голов, ритуальные танцы, хвастливые речи и стрельба в воздух от избытка чувств.

Кассеты дополняли рассказы офицеров, хотя никакого дополнения не было нужно.

Мы слушали жадно, зачастую перебивая и уточняя некоторые подробности, выпрашивая мелочи, заостряя внимание на тех моментах, что казались нам важными.

Офицеры отвечали. Мрачней с каждым выпитым стаканом, сжимая кулаки и понижая голос. Один – начштаба – то и дело баюкал простреленную в двух местах левую руку, второй – замкомбата – изредка трогал левую ногу, в которую угодил осколок мины.

Больше спрашивал Сергей, его интересовало буквально все. Вооружение – как солдат, так и боевиков, тактические приемы, использование оружия, отказы техники, действия подчиненных и чеченцев. Все, вплоть до амуниции и количества запасных магазинов в разгрузках.

Марк не отставал, тоже спрашивал и слушал внимательно, по привычке запоминая почти все наизусть.

Я больше молчал, хотя тоже фиксировал рассказы, но так как был этим людям по большому счету чужим, то не лез.

Услышанное с трудом усваивалось мозгом. Нет, то, что происходит в Чечне, мы и так знали. Борьба за власть, за сферы влияния, за территории и нефть. Причем борьба большей частью шла в Москве. Просто активная фаза этой борьбы была перенесена в горную республику, ближе, так сказать, к предмету спора.

Ставки шли на сотни миллионов долларов, на кону стояли возможности влиять на политику всего кавказского региона и не только его. В такой игре российская армия, как, впрочем, и чеченский народ, были пешками, разменными, никем не учитываемыми фигурками на огромном поле.

Никого не интересовало, сколько крови прольется с обеих сторон. Кому важна эта мелочь?

– ...Суки! Предают на каждом шагу! Сливают информацию, сдают время и порядок прохождения колонн, торгуют оружием! – Майор острыми зубами разрывал нежное мясо балыка и запивал его пивом. Глаза смотрели с ненавистью и болью. Не прекращая жевать, он продолжал: – Перед атакой штурмовики отработали по позициям соседей – двенадцать человек убитых! А продукты и боеприпасы столько раз сбрасывали чехам! Наши же «вертушки»!

– А банды сколько раз выпускали! – вторил ему один из капитанов. – Вроде прижали, намертво заблокировали! Ан нет, как ужи уходят! Где-то башляют налом, их и пропускают. Сколько раз буквально за руку ловили и ментов, и пехоту!

– Ты пехоту оставь! – перебивает майор. – Не хрена всех в одну кучу валить! Наша бригада перла впереди всех, мочила этих сук, как могла! Мы сами, узнай, что кто-то продался, – на куски бы порвали!

– ...Наверху сколько раз отдавали невыполнимые приказы. Такое впечатление, что в штабе одни придурки сидят! Ни хрена ни обстановки, ни своих сил не знают! Батальоны как взводы, полки как батальоны! Народу нет, воюют пацаны, только впервые взявшие автоматы в руки. Сколько смертей от неумелого обращения с оружием!

Они высказывали наболевшее, выворачивали наизнанку души, яростно ругали руководство, что армейское, что политическое, скрежетали зубами, вспоминая погибших друзей и сослуживцев. Потом, иссякнув и потеряв пыл, наливали водку и в который раз пили третий тост. Молча, до дна. За тех, кто не вернулся...

Мы офигевали. Мы были в прострации. Мы, успевшие отметиться практически во всех «горячих точках», испачкавшие руки в крови по локти и навидавшиеся всего. Но от того, что происходило в Чечне, нас бросало то в жар, то в холод. Это не война! Это планомерное уничтожение армии и народа. Это... полный звиздец!

А рассказывали только трое офицеров! Что скажут двадцать? Сорок? Сто?..

Но у меня в голове кипело сильнее, чем у парней. У меня за спиной почти два года своей войны. Большой опыт командования. У меня за спиной полномасштабная война, пусть и скоротечная, и пусть я воевал не на передовой, а чистил тылы!

И я знал, как может быть построен процесс и что можно получить при грамотном планировании, исполнении и бережном отношении к армии и полиции. Поэтому рассказы офицеров вызвали у меня дикое чувство ирреальности происходящего. Этого не может быть! Этого не должно быть!

Но вот они, трое фронтовиков, трое офицеров, прошедших весь этот ад, выживших вопреки всему. Они не врут и не сочиняют. Выходит, там и вправду происходит нечто, напоминающее целенаправленную бойню с обеих сторон!

Некоторые моменты меня сильно заинтересовали, и я задал несколько наводящих вопросов. И, наверное, слегка переборщил. Потому что в какой-то момент сидевший во главе стола майор – Дмитрий Усольцев – вдруг вскинул голову и совершенно трезвым голосом спросил:

– Ты что – воевал?

– То есть? – удивился я.

– Спрашиваешь о том, чего гражданский знать никак не может. Вот и говорю – ты воевал. Где?

Сергея, видя, что майор насел на меня, примирительно сказал:

– Все мы где-то когда-то воевали. То там, то здесь.

– Это как понять? – посмотрел на него один из капитанов – Николай. – В Приднестровье, что ли? Или в Югославии?

– Так... Бывали... – неопределенно протянул Марк. – Мимо проскакивали.

– Да ладно, мужики, – примирительно произнес третий офицер – Игорь. – Нашли тему. Все выпускники дурки¹⁰ последних двадцати лет где-то когда-то воевали.

Майор еще несколько секунд буравил меня пристальным взглядом, потом разлил водку по стаканам.

– Ладно. Я в ваши дела не лезу. Раз воевали, значит, воевали. Давайте за мир, мужики! Чтобы больше похоронок не писать и «двухсотых» домой не отправлять!

...Разъезжались мы после двадцати двух часов. И хотя выпито было немало, но пьяным себя никто не ощущал. Напряжение от тяжелого разговора напрочь перебило алкоголь, даже голова не шумела.

– Хреновые дела творятся там, – вздохнул Марк, когда мы ехали в метро (машины мы предусмотрительно оставили на стоянках). – Если дело так и дальше пойдет, в армии никого не останется.

– В армии и так уже никого не осталось, – угрюмо буркнул Сергей, отсутствующим взглядом глядя на схему метрополитена. – Разваливать нечего. Просто добьют последних солдат и офицеров, и все.

Повисла пауза. Мы сидели в углу вагона, незряче глядя перед собой. Мимо сновали пассажиры, коверкая язык, ныл попрошайка, стайка молодежи обсуждала новый фильм, какой-то пьяный мужик нудно гудел на ухо дородной тетке, сидящей напротив нас. Обычная суета и толкотня московского метро, на которую никто никогда не обращает внимания, сейчас вызывала отвращение. Галдят, жуют, пьют, шевелят губами... Словно никто и не слышал ни о Чечне, ни о тысячах погибающих там людей. Всем все по фигу! Словно на другой планете живут.

– Артур, – подтолкнул меня Сергей. – Что, по-твоему, в первую очередь бросается в глаза в этой... войне? Если не трогать политику.

– Масштабы, – почти сразу ответил я. – Странности управления. Туда согнали массу различных подразделений со всей России, зачастую сборную солянку, создали сводные полки, бригады, дивизии. МВД, армия, ФСБ... Много генералов, мало войск. Обученность и снаряжение которых вызывают ступор. По-хорошему для полной зачистки такой территории хватит двух полнокровных армейских корпусов, дивизии внутренних войск, ну и трех сводных полков всяких там СОБРов, ОМОНов... Ну и разумеется, средства усиления. Авиация армейская и фронтовая, артиллерия ствольная и реактивная. Кроме того – хорошая разведка. Войсковая, агентурная, электронная, радиотехническая, космическая... всякая. Жесткий режим зоны конфликта, отсутствие третьих лиц, режим прифронтовой полосы. Чтобы ни один комар ни в одну, ни в другую сторону...

– Если всю армию прошерстить, может, на два корпуса сил и народу наберется, – невесело усмехнулся Марк.

Я кивнул и, видя, что Сергей продолжает слушать, добавил:

– Командовать должен кто-то один. Армейский генерал на уровне командарма. Остальные, даже из других ведомств, – в подчинении. И больше никаких шишек... тем более из Москвы.

¹⁰ Так называют свою альма-матер выпускники рязанского десантного училища. Другой вариант: «эр-вэ два ку-ку имени стой, кто идет» (до середины 90-х годов – РВДККУ имени Ленинского комсомола).

– Ну да! – усмехнулся Марк. – А под ногами толкаться, водку жрать и щеки надувать кто будет? А мешать?

– Я же говорю – если без политики...

До конца поездки никто больше не проронил ни слова. И только на выходе, когда до стоянки машин было совсем недолго, Сергей сказал:

– Все идет, как и предсказано. Внутренний конфликт, напряженность в верхушке власти, разногласия, равнодушие народа, как равнодушие коров на бойне... За этим последует новый виток развала страны. Кризис, а то и не один... А потом...

Он замолчал, отряхнул рукав куртки и посмотрел на нас.

– У нас в запасе не так много времени.

– Чтобы слинять отсюда?

– Чтобы осесть на новом месте. Чтобы слинять, надо несколько дней. Максимум неделя. А вот закрепиться там...

– И что нам теперь делать? – поинтересовался Марк. – Хоть ты тресни, но заработать действительно нормальных денег у нас здесь пока не выходит. Действовать бандитскими методами – встать на скользкий путь. Не ясно, куда он приведет.

– Есть еще один вариант, – вставил Серега. – Один раз уже прозвучало предложение идти инструкторами к наемникам. Желających повоевать за звонкую монету достаточно, худо-бедно, их надо готовить. Золотых россыпей не обещают, но это может быть первым шагом на пути к будущему.

– Или последним, – покачал я головой. – Те, кто стоит за наемниками, не любят оставлять следы. А мы, как ни крути, – люди со стороны. Можем распустить языки. Так что решение проблемы будет радикальным – в расход.

– Все может быть, – после паузы произнес Сергей. – Все... Я пока не вижу выхода из положения. Ни сейчас, ни в обозримом будущем. Пока все глухо.

Мы с Марком переглянулись и одновременно пожали плечами. Мрачное настроение Сергея было в диковинку. Обычно он более спокоен и сдержан. Что на него нашло?

Тот поднял голову, глянул на нас и скривил губы.

– Надо думать, что делать. Искать пути, способы. Я пришел к выводу, что чем дальше, тем меньше у нас будет шансов нормально уйти и осесть на новом месте. В запасе не больше полугода. А потом...

– Что потом? – спросил Марк.

– Не знаю... возможно, придется использовать силовой вариант ухода. Он крайне нежелателен, но... – Его голос упал до шепота: – Но, может, это будет последний шанс.

Сергей редко когда ошибался и никогда не говорил, не подумав. Не рубил с плеча, всегда взвешивал слова и поступки. И сейчас, когда он это произнес, нас с Марком прошиб озноб. Серега не пугал, он предсказывал. И от этого было вдвойне паршиво.

Я привык не стущать краски, и слова Сергея воспринял несколько... менее трагично. Думал, это перебор. Думал, обойдется...

Зря думал...

* * *

Через день меня в академии отловил Андрей. Мрачно бросив «привет», спросил:

– Есть полчаса?

– Есть.

– Тогда давай через десять минут на стадионе. Наши уже там.

– Иду, – кивнул я, недоумевая, с чего это он так суров.

В академию я забежал показать черновики диплома своему куратору профессору Салтыкову. До защиты оставалось не так много, и я хотел засесть за чистовое оформление. Профессор просмотрел расчеты и графики, полистал тетрадку и дал добро.

Обрадованный, я уже хотел уезжать – через полтора часа тренировка, – а тут Андрюха. Что у него еще?..

Четверка скитальцев сидела на последнем ряду скамеек. Вернее, сидел Денис. Оксана стояла рядом, выставив вперед довольно большой живот. Лена перетаптывалась около них, поглядывая на противоположную сторону футбольного поля, где прыгали несколько человек в спортивной форме. Андрей смотрел на друзей, изредка кидая взгляды на дорогу. Ждал меня.

Я подошел ближе, кивнул всем.

– Привет честной компании! Как дела?

Последний раз я видел однокурсников до Нового года, после окончания практики. И сейчас, подойдя ближе, с интересом рассматривал их, отмечая изменения во внешности.

Сильнее всех изменилась Оксана, что вполне естественно. У нее был седьмой или восьмой месяц беременности. Лицо раздобрело, стало мягче, на подбородке и скулах малозаметные пятна. Взгляд напряженный, какой-то ожидающий. Фигура давно потеряла стройность, напоминала бочку.

У Лены погрустнели глаза, вроде как светлее стали. Обтянутые джинсами ножки все так же стройны, шея так же тонка, вид гордый, независимый. Но какой-то пришибленный.

Парни... Прежние, в общем. Только слишком заметен диссонанс молодых лиц и взрослых, много повидавших глаз. Так смотрят двадцатилетние мальчишки, прошедшие Афган и Чечню.

– Место вы, господа, для встречи выбрали не самое лучшее. Тем более в такую погоду.

Я взглянул на небо. Тяжелые тучи медленно плыли над головой, напрочь закрывая солнце, легкий ветерок гнал снежную порошу по земле. С утра похолодало, и сейчас термометр застыл на отметке минус десять.

– Ну так что за дело?

Андрей вздохнул, бросил взгляд на Дениса и Лену и как бы нехотя сказал:

– Света и Николай погибли.

– ?..

Я не сразу осознал услышанное, так неожиданно оно прозвучало. Потом резко выдохнул и спросил:

– То есть как – погибли?

Оксана вдруг всхлипнула, закрыла ладонью рот и отвернула голову. Лена закусил губу, глаза наполнились слезами.

– Погибли оба, – пояснил Андрей. – Два дня назад.

Он зло сплюнул, вытер губы тыльной частью ладони и нехотя объяснил.

Два дня назад утром у Светы начались предродовые схватки. Состояние стало резко ухудшаться. Ее отвезли в роддом, где она через четыре часа во время родов, не приходя в сознание, умерла. Врачи попробовали спасти ребенка, сделали кесарево сечение уже умершей женщине, но младенец вскоре умер.

Николай, узнав о начавшихся родах, приехал в роддом прямо с работы. Когда ему сообщили о трагедии, он упал в обморок. Врачи привели его в чувство и отправили домой. Там, уничтожив бутылку водки, накатал небольшую записку и повесился на крюке от люстры.

Труп обнаружили его родители, заехавшие утешить сына. Утешать пришлось их самих. В один день они потеряли сына, невестку и внука.

– А вы как узнали? – спросил я Андрея.

– Отец Колькин позвонил. Вчера.

Я осмысливал услышанное, лихорадочно прикидывая, не могли ли пришельцы неведомыми мне путями возникнуть в нашем мире и устроить двойное убийство?..

«Бред. Хватит ерундой заниматься... Еще мистику притяни. Но как же так вышло? Светка не пережила родов – понять с трудом можно. Но Колька-то!.. Идиот! Вот так новость!..»

– Мы хотим съездить на похороны, они завтра, – вставил Денис. – Ты как? Не поедешь? Я отрицательно покачал головой, все еще переваривая услышанное.

– Не смогу.

Андрей понятоливо кивнул, в его глазах, впервые за все время знакомства, я не нашел неприязни и вражды.

– Ладно. Мы поедем.

– Ей ехать незачем, – кивнул я на Оксану, что стояла, отвернув голову и спрятав лицо в ладонях. – Срок большой.

– Я поеду, – упрямо сказала та, разворачиваясь. – Хочу проводить... Светланку... Коленьку... У них сын должен был родиться... Хотели Андреем назвать...

Она активнее зашмыгала носом, вытирая слезы тыльной стороной ладони. Лена подошла к ней, обняла, погладила по голове.

– Ну что ты реवेशь? Тебе вообще нельзя волноваться... – Денис встал, подошел к жене, обнял ее и зашептал в ухо: – Успокойся... уже ничего не исправить.

– Андрей, – позвал я. – Поговори с родителями Николая. Если сможешь, выясни подробности его гибели. Не было ли непонятных и странных эпизодов. С ним и со... Светой.

Тот кивнул, мрачно глядя на Оксану и Дениса.

– Поговорю.

– Артур. – Оксанка отстранилась от мужа и подошла ко мне. – Скажи, это не может быть из-за... Ворот? Это не они повлияли на смерть Светки?

Ее умоляющий взгляд рыскал по моему лицу, требуя ответа и страшась его. Глаза, полные слез, смотрели настолько жалко, что мое сердце, способное поспорить крепостью с железом, дало сбой.

– Вряд ли. Ворота здесь ни при чем. Это бывает иногда. Очень редко, но женщины гибнут при родах. Еще реже гибнут дети. Тебе нечего волноваться...

– Нечего?! – почти крикнула она. – Нечего? Да я вторую ночь уснуть не могу. Денис уже извелся весь, а я... как представляю, что может быть. Что и мой ребенок!..

Денис прижал жену к себе, глядя по голове, взгляд у него стал затравленный, беспокойный. Он тоже боялся, хотя и скрывал это.

– Если будешь рвать сердце и душу, то нервы пойдут к черту – это факт. И ребенку станет хуже. Так что зажми свои чувства в кулак и терпи. Иначе никак! Ты теперь не только за себя отвечаешь, но и за дитя.

Теперь Оксанку успокаивали на пару Лена и Денис. Андрей стоял рядом, кусая губу, бросая на них тревожные взгляды. А я смотрел на своих товарищей по скитаниям, не в силах отвертеться от странной мысли: гибель наших товарищей – только первый знак грядущих перемен. Перемен не к лучшему...

Длинный наманикюренный ноготок, слегка щекоча кожу, зигзагами скользил вдоль позвоночника. Легкое теплое дыхание приятно согревало спину, а мягкие волосы ласкали шею.

– А это у тебя откуда? – спросила Наташка.

– Что?

– Синяк. На правой лопатке.

– А-а... На тренировке попали.

Ноготок продолжил скольжение, уходя вниз, к пояснице. Я лежал на животе, подперев голову рукой, и смотрел выпуск новостей по телевизору. Вернее – просматривал. По привычке.

– Ой! А это что? – вновь отвлекла меня подружка.

– Где?

– На правом боку. Тут еще царапина. – В ее голосе прорезались ревнивые нотки. – Кто тебя так?

– Это... – протянул я, вспоминая, где получил царапину. – На борьбе. Ногтем зацепили.

– Да? – Недоверчивости в голосе прибавилось, но тон был строгим. – Вы что там, на тренировках, рвете друг друга на куски?

– Вроде того. И не только на куски.

Наташка промолчала, продолжила исследование моего тела. Теперь ноготок скользил по ягодицам и ногам.

Дикторша в телевизоре зачитывала какую-то бумажку, я прибавил звук и услышал очередное заявление правительства о недопущении эскалации войны на Северном Кавказе. Опять лапшу на уши вешают.

– А здесь? На бедре? – с настойчивостью следователя допытывалась Наташа, выясняя причины возникновения тех или иных микротравм на мне.

– На бедре? – переспросил я. – Это, милая моя, твоя работа. Не далее как полчаса назад. Видишь, свежая.

Наташка сконфуженно замолчала.

– Вот-вот. В порыве страсти пустили свои коготки в ход.

Она смущенно чмокнула меня в шею, прошептала:

– Больно?

– Ну-у... если вы готовы повторить все сначала, то так и быть – прошу ваше покушение.

Я повернулся к ней, обхватил руками хрупкие плечи и притянул к себе. Девчонка послушно подставила губы для нового поцелуя, но когда я уложил ее рядом, взмолилась.

– Не надо. Артур! У меня после вчерашнего и сегодняшнего там все болит! Знаешь, как печет?!

Легкий румянец на щеках ей очень шел. Я чмокнул ее и улыбнулся.

– Ладно, бедная моя. Оставим вас ненадолго в покое. Выздоровливайте.

Я вернулся в исходное положение, а Наташа продолжила исследование моего тела при помощи своих пальцев. Легкий массаж в исполнении нежных рук погружал меня в приятную полудрему. Класс! В девочке пропадает массажист.

«Хорошо начинается пятница. И вообще... все хорошо. Весна, солнышко, птицы поют. Настроение какое-то игривое. Замечательное... – текли ленивые мысли. – Вот она – спокойная жизнь. Без напрягов, проблем, резких движений. Все идет хорошо...»

Может, виной всему благодушное настроение, что охватило меня сегодня с утра, или просто стих напал, но сейчас я видел все в светлых тонах, а жизнь казалась легкой и прекрасной.

И правда, чего в ней плохого? Тренировки идут своим ходом. В академии вообще все классно – диплом почти готов, никаких проблем с ним нет. И поводов для волнений нет.

– Артур. Мы в субботу собираемся за город, – отвлек меня от размышлений голосок Наташки. – К Генке на дачу. Шашлыки пожарим, посидим на природе. Ты как?

Ах да! Есть-таки одна проблема. Вот рядом сидит, скрестив стройные ноги, водит пальчиками по спине и воркует. Прелесть моя белокурая. Всем хороша девица, одно плохо – слишком уж увлечена своими друзьями. Все свободное время готова проводить с ними. И меня норовит приобщить к этому. Чтобы вместе с ними гулял.

Уже пару раз мы легонько спорили по этому поводу, но девчонка никак не уговорится. И сейчас хочет утащить меня с собой. Но тут уж фиг вам, миледи. Шастать по дачам у меня нет ни времени, ни желания...

– Хорошая идея. Но я, наверное, не смогу.

– Почему?

– Занят буду.

Наташка нахмурила брови, недовольно посмотрела на меня, буркнула:

– Ты всегда занят. Никуда с нами не едешь.

– Прости, малышка, так выходит. Дела. – Я обнял ее и привлек к себе. – Сама понимаешь, надо деньги зарабатывать.

Она не ответила на мою улыбку, так же недовольно сказала:

– Тебе что, скучно с нами? Или неинтересно?

– Что ты, милая! Ничуть. Просто... есть дела, которые я должен сделать в любом случае.

От моего желания здесь ничего не зависит.

Я вновь поцеловал ее, прижал к себе и погладил по голове.

– Вредина ты, Артур, – прошептала она, в свою очередь обнимая меня. – И скрытный. Никогда ничего мне не рассказываешь. Не доверяешь?

Пошел обычный женский наезд. Милая крошка, желая закрепить временный успех после моих извинений, захотела кое-что выяснить. Делала она это не впервой, но, как и всегда, я пресекал такие попытки сразу и быстро. И сейчас, не успела она охнуть, я схватил ее в охапку и начал страстно целовать. Последующие пять минут прошли в борьбе, причем одна сторона желала совратить вторую, а та, не очень-то и возражая, все же препятствовала, помня о «переборе» с ласками.

В результате слабый пол «победил», но ни о каких вопросах больше не заикался. Потом Наташа ушла в ванную, а я убавил звук телевизора и протянул руку к трубке телефона, чтобы позвонить парням.

Одна из причин, по которым я не мог ехать с компанией, был намечавшийся на завтра визит в столицу. В гости к Марку с Толиком. Из Питера должны приехать Сергей и Антон. Мы хотели поговорить, обсудить кое-какие планы на будущее, да и просто посидеть за столом, попить пивка...

Вообще-то созвониться мы должны были вчера, но я не смог найти парней. Уехали куда-то. Телефон никто не брал, а автоответчик голосом Марка предлагал оставить сообщение после сигнала.

Я сделал два звонка – Толику и Марку, но опять никто не ответил. На рыбалку, что ли, укатили? Или работа внеплановая?

«Ладно, – мелькнула мысль. – Вечером позвоню. И в Питер заодно. Может, они Серегу и Антона предупредили?...»

Послушав длинные губки в трубке, я отложил телефон и лег на спину. Прищурил глаза – солнце уже вошло на небосклон и оттуда поливало землю весенними лучами. В этом году апрель выдался теплым, почти по-летнему знойным. В такую погоду хорошо лежать где-нибудь на берегу реки, загорать, смотреть на воду и ни о чем не думать.

От раздумий меня отвлекло легкое шлепанье тапочек по полу. Наташа вышла из ванной, неся с собой фен. У нее впереди ответственный процесс – сушка волос. Дело долгое и нудное. С моей точки зрения.

Она заметила мой взгляд в зеркале, показала язычок и отвела взгляд.

«Ага, хмурим брови! Недовольны отказом. Ничего, перетерпит. Надо приучить ее к мысли, что я встречаюсь с ней, а не со всей компанией. Да и потом... Если быть откровенным, при всем моем железобетонном терпении как-то не по себе видеть этих веселящихся ребятшек и вспоминать, что не так давно и другая компания, не менее веселая и задорная, так же гуляла и отдыхала, пока не попала под пресс Ворот. И что от нее осталось? Двое погибли, четверо живут под гнетом былого, а пятый до сих пор не придет в себя...»

– Ты о чем задумался?

В зеркале Наташкины глаза блестели сильнее обычного, а щеки пылали прямо-таки нереально ярким цветом. Пышная шевелюра, почти высушенная феном, легла на плечи словно платок, скрыв половину лица.

Сидела она, закинув ногу на ногу, от чего подол короткого халатика съехал почти до самой талии, представив моему взору соблазнительную картину.

Наташка проследила за моим взглядом, поправила халат и возмущенно фыркнула.

– Только об одном и думаешь. Маньяк!

– Что ты, милая! Глядя на твою замечательную фигуру, я в первую очередь думаю о твоём чудном характере. О доброте и нежности. О...

Уловив в словах насмешку, она запустила в меня расческой и погрозила пальцем. Такая – сердитая, возбужденная – она нравилась мне еще больше.

«Ох, чую, придется ей снова в ванну лезть, – подумал я, чувствуя напряжение внизу живота и растущее желание. – Видеть такую прелесть и не трогать ее выше моих скромных сил. Никакое терпение тут не выдержит...»

Я уже хотел было встать, чтобы схватить подружку в охапку и, преодолевая слабое сопротивление и не слишком искреннее возмущение, утащить на кровать, но она, видимо, почувствовала мои намерения, подхватила фен и скрылась в ванной.

«Ладно, красавица. Попадешь ты мне в руки. Тогда пощады не жди...»

...Покончив с прической и быстро одевшись, Наташа уехала, чмокнув меня на прощание и пообещав приехать к вечеру.

А я провалялся в кровати еще полчаса, смотря телевизор, потом встал, поел и хотел было съездить в магазин, закупить продуктов на выходные. Но в этот момент зазвонил телефон.

– Да?

– Артур? Привет.

– Привет, – узнал я голос Марка. – Наконец-то объявились. Я вам второй день звоню.

– У тебя срочные дела есть? – спросил тот, не отреагировав на шуточный упрек.

– Да нет. Хотел к вам ехать...

– Не надо, – довольно жестко сказал Марк. – Утром в субботу мы приезжаем в Рязань. К тебе. Часов в десять.

– Ага. А чего вдруг?..

– Надо, – тем же голосом произнес он. – У нас проблемы. Крупные!..

Услышав в трубке короткие гудки, я положил ее на телефон, резко сел и провел руками по лицу. Выдохнул воздух сквозь сжатые губы и встал.

Все приподнятое настроение как корова языком слизала. Я ощутил глухую тяжесть в груди. Моя натренированная Воротами интуиция обычно так предупреждала о грядущих неприятностях.

Черт! Что у них там произошло? Что скрывается за словами «крупные неприятности»? Неужели влипли во что-нибудь?..

– ...Влипли не то слово! Влезли по самые уши! Как щенки в дерьмо! – Марк не сдерживал эмоций. Его глаза метали молнии, а сквозь искривленные в злой ухмылке губы вылетали короткие рубленые фразы. – Так лопухнуться, это надо уметь!

Я перевел взгляд на остальных. Сергей и Антон сидели на диване, Толик пристроился в кресле, выставив длинные ноги почти в центр комнаты. Вид у всех был мрачный и какой-то подавленный. Давно я не видел друзей в таком состоянии.

...На парней наехали. Нет, автотранспорт здесь ни при чем. Наезд в данном случае – это слово из нового русского лексикона, означающее, что у моих друзей появились проблемы с представителями криминальных структур. Проще говоря – с бандитами.

Марк и Толик, работавшие в Москве, решили открыть свое дело. Довольно новое и в России пока не раскрученное. Решили они открыть пейнтбольный клуб. То есть арендовать некоторые площади для постройки полигона, где все желающие могут устраивать бои с маркерами – имитационным оружием, стреляющим шариками с краской. Эдакая разновидность детской игры в войнушку, только на взрослом уровне. Дело интересное, прибыльное, можно раскрутиться и получать неплохие деньги.

Через свои связи парни вышли на чиновников из земельного департамента, получили добро на аренду, подготовили помещения, завезли оружие и снаряжение. Словом, сделали все что нужно и готовы были открыть клуб. Даже успели провести несколько показательных рекламных боев.

И тут как чертик из табакерки вылезли крутые парни. Из местной группировки. Узнав об открытии клуба, они заявили к парням в офис и без обиняков предложили отстегивать им процент. Немалый процент. За безопасность, охрану и прочие услуги под названием: «решим все проблемы».

Дело приняло плохой оборот. Устраивать войны мои друзья не хотели – глупо воевать с большой бандой, державшей район и имевшей связи во властных структурах и милиции. И потом – парни давно отошли от прошлых дел и не хотели начинать все снова. С другой стороны – терять вложенные деньги тоже неохота.

Марк и Толик нашли выход. В кратчайший срок сдали дело своему компаньону, который захотел работать дальше даже под «крышей» братков. И деньги вроде отыграли назад.

Но братков подобный оборот не обрадовал. Они наехали еще раз, теперь под предлогом «отступных» – за сданный бизнес. По всем понятиям – это беспредел. Парней поставили в безвыходное положение – либо платить, либо удирать.

Платить никто не собирался. А удирать... Бандиты могут устроить облаву, а с семьями на руках особо не побегаешь. Выход один.

– Надо рубить концы! Полностью. Всех, кто в курсе дела, кто по нему работал. Чтобы никаких следов, никаких намеков.

Толик произносил тяжелые слова почти спокойно, видимо, по дороге сюда они все обговорили и теперь высказывали единое мнение.

– И сколько человек в курсе проблемы? – спросил я.

– Не больше семи-восьми. Бригадир, двое-трое подручных, несколько бойцов... Вряд ли больше. Это мы выясним.

– Но это в Москве, – уточнил Марк. – А есть еще Питер.

Я перевел взгляд на Сергея. Тот сидел молча, слушал рассказ Марка и Толика. Услышав о Питере, поднял голову и нехотя кивнул.

– Точно.

– И будет там не легче, чем у нас, – добавил Марк. – Если не тяжелее.

Сергея вновь кивнул и начал рассказывать.

...В Санкт-Петербурге (интересно, у какого властного дяди заклинило мозги, когда он утверждал столь старое и громоздкое название города?) Сергей и Антон частным порядком тренировали группы клиентов. Получали неплохие деньги, потихоньку вращались в ситуацию, чтобы тоже открыть свой бизнес.

Как это часто бывает, среди клиентов оказались бойцы одной из группировок. Полученные знания они применили в своей «работе». Видимо, неоднократно. Их заметили как свои, так и чужие. Выяснили, где их так адрессировали, и нагрянули с визитом к парням. Мол, давайте тренируйте людей. Бабки будут, только вот конкурентов ни-ни. Никаких занятий на стороне.

Закабалить моих друзей когда-то пытался Жорик, но у него ничего не вышло. Как не вышло и еще у одного деятеля. Парни просто ушли. Но здесь уйти просто так тяжело. Бандиты могут отомстить за отказ. Тем более они так и намекнули.

И теперь Сергею и Антону надо уйти из-под плотной опеки сразу двух враждующих группировок. Уйти чисто, без следов и без потерь. А это проблема. Причем серьезная. Действительно, не менее серьезная, чем в столице.

– Вы как сговорились! – воскликнул я, выслушав всех. – Столько проблем разом! Что же будем делать? Как и в какой последовательности?

Спросил, потому что знал – парни уже что-то придумали. Пока встречались в Москве, пока ехали сюда. А теперь готовы выдать мне план действий.

– ...Уходить нам придется, – после минутного молчания ответил Сергей. – И из Питера, и из Москвы. Совсем. Продавать квартиры, вывозить семьи.

– И уезжать подальше, – вставил Антон. – Чтобы не достали, когда искать будут.

– Да. Куда уходить, уже прикинули. Важно другое. Не оставить следов. Никаких.

– Ясно, – протянул я. – Значит, ненадолго вспомним старое...

– Придется, – с явной досадой ответил Серега.

Для него, как и для всех нас, возвращение к делам прошлого – шаг назад, а это всегда плохо. Устраивать разборки со стрельбой и взрывами – весьма нежелательный вариант, мы всегда и повсеместно этого избегали и оставляли только на самый крайний случай.

– Арсенал на прежнем месте, – сказал я. – Второй надо забирать, он в дальнем схроне.

– Когда его можно извлечь? И что там?

– Завтра. Три автомата, пять пистолетов. ВСС, ручник. Пара гранатометов, к ним по пять выстрелов... Боеприпасы. Шесть гранат. Три мины.

На первый взгляд список схрона внушительный, но он не идет ни в какое сравнение с первым. И тем более с третьим, самым большим арсеналом. Эту закладку мы делали в ста километрах от Рязани на тот случай, если придется по каким-то причинам влезать в междоусобную войну. Там вооружения хватит на два взвода пехоты.

– Думаю, обойдемся первым и вторым, – сказал Марк. – Устраивать полномасштабную войну нам не надо. Надо устранить несколько человек.

– Ну, не несколько, – поправил его Толик. – Человек семь в Москве и человек пять в Питере.

– С чего же начнем? – спросил я.

– С того, что вывезем оттуда наши семьи. И спрячем их пока в безопасное место.

Сергей потер руки и глянул на меня.

– Это будет на тебе, Артур. Надо обеспечить стопроцентную безопасность.

– То есть как на мне? – Я недоуменно поднял голову. – Вы хотите работать без меня? Сами?

– Сами. Мы знаем обстановку на местах, знаем людей. Ты – нет. Ты не сможешь ориентироваться в городе, как мы.

Я промолчал, Серега говорит верно. При всем моем опыте надо время, чтобы встроиться в обстановку, войти в курс дела.

– И потом, – продолжил за Сергея Марк, – тебя никто не знает, ты не засвечен. Поэтому никто здесь искать и не станет. И семьи наши прятать будешь ты.

– Да... пожалуй. Места такие есть, два с ходу назову. Можно организовать временную базу хоть на неделю, хоть на две. Никто и не узнает.

– Отлично. Обеспечение и охрана тоже на тебе, – сказал Серега. – Если знаешь надежных парней, можно попросить их.

– Нет. – Я отрицательно покачал головой. – Это наше дело. И светить вас и ваши семьи ни перед кем нельзя. Я сам все сделаю.

- Тоже верно, – согласился Марк. – Мы перевезем семьи в Рязань. А дальше твое дело.
– На том и порешим. А теперь выкладывайте свой план. Помозгуем...

* * *

От земли шло небольшое испарение, едва видимое в лучах восходящего солнца. Роса, миллиардами капелек рассыпанная по траве, только начала высыхать, и от того воздух был предельно насыщен влагой.

Я опустил стекло машины и смотрел на дорогу, иногда бросая взгляд в зеркало заднего вида. В столь ранний час трасса была почти пуста, только изредка мимо пролетали легковушки и грузовики, заполняя утреннюю тишину шелестом шин.

До назначенного времени оставалось минут двадцать, и я все чаще поглядывал на часы и машинально трогал рукоятку засунутого под рубашку пистолета.

Оружие в своем мире я не носил давно, со времен последней «командировки», но сейчас оно было необходимо. Более того, на соседнем сиденье в чехле лежал второй ствол – гладкоствольный карабин «сайга» двенадцатого калибра, снаряженный самой крупной картечью и литыми пулями.

Внушительный арсенал для мирного гражданина, хотя сейчас я бы предпочел вместо карабина АКМ. И пару гранат. И гранатомет в придачу. Потому как ситуация больно острая. Потому как мои друзья могут притащить на хвосте погоню, которую надо отсекать. А в таком деле оружия много не бывает.

Но автомата я не взял. И гранаты оставил в схроне. Нельзя наглотать чересчур. Пистолет куда ни шло, а больше опасно. Поэтому и лежит на сиденье «сайга», что она официально зарегистрирована и является прикрытием при проверке.

Впрочем, карабин на ближней дистанции по убойной силе мало уступает автомату, так что хватит на случай внезапного столкновения.

...Приглушенно запищал пейджер. Я достал его, нажал кнопку и прочитал короткое сообщение. «Пятнадцать минут». Значит, парни появятся через четверть часа. Хорошо. И то, что сообщение без дополнений, – тоже. Хвоста нет. Ушли чисто.

...Первое, что надо было сделать моим друзьям, – вытащить из-под удара семьи. Вывезти их в безопасное место. Дело только на первый взгляд простое. Если бандиты решили взять свое любым способом, то установить слежку за домами ребят – раз плюнуть. Посему эвакуация семей – процесс сложный и многоступенчатый. Но, похоже, они его сделали. Насколько чисто и без проблем, узнаю через четверть часа.

Я еще дважды смотрел на часы и рассматривал дорогу, прежде чем от черного прямоугольника леса показались огни машин. Подъехав чуть ближе, они несколько раз мигнули, давая сигнал – за спиной чисто.

Через минуту мимо меня проскочили четыре внедорожника – два джипа «ниссан» и два «мерседеса». Я пропустил их мимо и еще пару минут стоял на месте, наблюдая за дорогой. Ждал возможных преследователей. Но трасса была чиста. Что ж, вывод парней верен – хвоста нет.

Я догнал их через десять километров. Внедорожники припарковались у обочины неподалеку от автобусной остановки. Парни стояли на дороге, внимательно глядя по сторонам. И хотя их руки были пусты, я знал – каждый вооружен. Сергей и Антон, видимо, с пистолетами, а Толик и Марк, одетые в длинные легкие плащи, скрывали под полами АКСУ. А в машинах у них такие же «сайги», что и у меня. Тоже для отмазки от ментов.

- Ну? – вместо приветствия спросил я.
– Ушли чисто. По дороге никого не заметили. Что у тебя?

– Все готово. Жилье, припасы, связь. Место глухое, соседей мало, и они не любопытные. До дороги три кэмэ, вокруг посадки и леса. Рядом озеро. Незаметно не подойти, есть две собаки, дворняги. Злые и очень чуткие.

Сергей вытер вспотевший лоб, глубоко вздохнул и с облегчением сказал:

– Похоже, вырвались.

В еще слабом свете солнца я заметил, как подрагивают пальцы его руки. Семь сотен кэмэ от Питера до Москвы и еще две сотни от столицы до Рязани под ежечасной угрозой нападения – тут и стальные нервы лопнут. И ладно своя жизнь, но рядом еще жена и дочь. А в других машинах – друзья и их семьи.

– Что у вас нового?

– Нового? – переспросил Марк, опустошая бутылку с минералкой. – Нового мало. Хаты продаем, вещи частью толкнули, частью вывезли. Машины тоже выставаем на продажу, только в Туле. В Липецке купим другие.

– В общем, заматаем следы по всем правилам, – добавил Антон. – Мы в Питере сделали то же самое. Хаты успели толкнуть, а бабки уже перевели.

– Сколько ехать до места?

Я глянул на часы, мысленно подсчитал расстояние.

– Чуть больше часа.

– Тогда поехали, там отдохнем. Нам сегодня обратно. Надо завершить подготовку.

Марк не уточнил какую, но я и так понял. Парни готовят первые ликвидации в столице. Они должны пройти одновременно, чтобы никто не ушел, никто случайно не уцелел.

И мне, прежде чем вплотную заняться охраной семей, надо кое-что сделать. Причем срочно...

– ...Юра? Салют. Артур говорит.

– Привет.

– Как дела?

– Нормально. В полной боевой готовности приступить к занятиям.

– Занятия надо перенести. Мне к родичам надо смотаться на недельку.

– Понял.

– Жоре скажи, задержка небольшая, путь не волнуется. Как приеду – продолжим. Если хочет за простой деньги снять – пусть снимает. Все честно.

– Да ладно тебе! Он об этом никогда не скажет, сам знаешь.

– Возможно. Ну все, парням привет. Как приеду – позвоню.

Раз звонок...

– Виктор Николаевич, день добрый. Это Томилин говорит.

– А-а... Добрый день. Слушаю вас.

– У меня тут небольшая проблема возникла. Можно перенести консультацию на будущую неделю?

– Ладно, перенесем. Проблема серьезная?

– Да нет. Житейская. Я быстро.

– Хорошо, договорились.

– Благодарю, Виктор Николаевич.

Это – два. И еще...

– Наташенька, привет.

– Артур! Здравствуй, милый.

– У меня небольшая командировка образовалась. Так что несколько дней меня не будет.

– Опять? Ну-у-у... Ты как специально подгадываешь!

– Наташ, честное слово – случайно. Надо съездить к родителям. Они просили. Заодно расскажу, что меня никак не хотела отпускать некая молодая особа.

- Ну да!
- Точно, скажу. Правда, я знаю, что они ответят.
- Что надо было эту особу брать с собой.
- Ага. Ну все, красавица! Целую. До скорой встречи.
- До встречи, обманщик.

Фу-у! Самый трудный звонок. Так, с текучкой все. Искать меня в течение ближайших дней никто не будет. Теперь – главное!..

...Когда-то в этой деревне было много народу. Но за последние десятилетия количество жителей резко сократилось. Молодежь поголовно бежала в Рязань или, на худой конец, в райцентр.

Старики, жившие с довоенных времен, потихоньку переселялись на кладбище. Кое-кому везло, их забирали к себе давно выросшие дети.

Остальные доживали свой век здесь. Человек семь-восемь. Причем все – за единственным исключением – старухи. Им далеко за семьдесят, здоровье давно ушло, и они дальше своих дворов почти никогда не выходили. Только друг к другу в гости.

В деревне был один-единственный телефон в самом крайнем доме, так что связь с большой землей поддерживал в основном грузовик, раз в две недели приезжавший из райцентра. Он привозил газовые баллоны для газовых плит. Хорошо хоть электричество еще шло по старым, потемневшим от времени проводам. Воду брали в колодцах или в колонке, тоже единственной.

Условия не ахти какие, но на фоне многих неудобств у деревни был один огромный, прямо-таки гигантский плюс – отыскать в такой глуши кого-нибудь практически невозможно. И разболтать о внезапно приехавших гостях некому. Так что основное условие лежбища – скрытность – выполнено на все сто.

Наш дом был крайним от посадки и стоял на небольшом холме, чуть на отшибе от деревни. Большое, по деревенским меркам, строение: три комнаты, обширная кухня с печью, просторные сени, крыльцо, пристроенный сарай для скота. Во дворе амбар, небольшой сарайчик для дров и сена, курятник, стоящий вплотную к дому. Метрах в двадцати от дома колонка, а рядом колодец. Места для десяти человек более чем достаточно.

За домом тянулся большой огород. Там давно ничего не росло, только по периметру продолжали плодоносить вишни, груши, яблони, сливы и смородина. Словом, жить можно.

- Артур, нам бы воды.
- Принесу.
- Артур, а что за теми деревьями? Может, сходим туда?
- Там посадки. Кварталы яблоневого сада. А ходить туда не надо. Далеко, легко заблудиться с непривычки, да и сборщики яблок постоянно ходят. Люди разные попадают, увидят – сболтнут.

– ...Дядя Артур, а правда, что в озере плавает огромный сом? А правда, что он может утащить человека на дно?

- Неправда. Нет там никакого сома. Окуни, плотва, караси есть. А сомов нет.
- А на чердак залезть можно? Там игрушки есть?
- Это ты у мамы спроси. Игрушки?... Возможно... я не помню.
- Артур, а больница далеко?
- В райцентре. Километров восемь отсюда.
- Как же туда попасть?
- На машине. Вызывать нет смысла, быстрее самим. Кто-то заболел?
- Да нет, я так...

Нина, Ирина, Лена, Жанна. Это жены моих друзей. Молодые женщины лет двадцати четырех – двадцати семи. Красивые, умные, пообтертые жизнью и знающие ее жесткую прозу.

Занятия мужей наложили определенный отпечаток на их характер, на мировоззрение, изменили их взгляды на многие вопросы.

Они безропотно (по крайней мере внешне) переносят вынужденные скитания, держатся сами и держат своих детей. Тащат на себе нехитрое хозяйство, коротают теплые апрельские дни на кухне и во дворе, смотрят за детьми, а вечерами с увлечением наблюдают за перипетиями «мыльных опер» по огромному экрану телевизора. Я специально привез его, чтобы дамы не так скучали. И магнитофон тоже. Даже книг натащил.

Их временную ссылку скрашивают пятеро детишек. Три девчушки и два пацаненка. Всем от двух до пяти лет. Эдакий детский садик в миниатюре. Сразу с четырьмя воспитательницами. И одним сторожем.

...Здесь, вдали от цивилизации, я ограничивать себя не стал. Ни в средствах, ни в технике. У окна амбара, где я спал, на сошках стоял ПК. На поясе постоянно носил «стечкина». Автомат висел в изголовье широченной кровати, четыре гранаты лежали на столике. На ночь подходы ко двору и дому были усеяны МЗП,¹¹ сигнальными ракетами и хлопушками. От сарая к огороду шел специально углубленный овраг – запасной путь отступления. На окраине посадки еще года три назад я вырыл небольшой бункер, можно отсидеться сутки-двое. Там запас воды, продуктов и оружие.

Мало того, в доме на кухне на печке лежат четыре пистолета. Это для женщин. Неудивительно, что парни успели обучить свои прекрасные половины владеть оружием, а также преподать и другие, несколько специфические, но очень нужные в наше непростое время навыки. В крайнем случае девчонки сумеют остановить врага.

Продукты я завозил сам, закупая все в соседнем райцентре (конспирация, мать ее, – вещь необходимая!). Воду таскал из колонки, дрова колол во дворе, складывая их под навесом. Сам и топил печь, сам же и ОГВ¹² наладил. И конечно, охранял.

Единственный телефон в деревне принадлежал одной восьмидесятитрехлетней старушке. Это ее младшая сестра постаралась, провела связь из соседнего городка, чтобы можно было поговорить с родственницей. Остальным телефон не был нужен – звонить некому.

Я поговорил со старушкой, и она разрешила мне звонить по телефону при необходимости. Но телефон – на крайний случай. А так для связи с парнями есть пейджер. Новый. Старый я продал, как и парни – свои. На время акции взяли новые, их потом тоже скинем, когда все закончится.

– ...Дядя Артур, а когда мы пойдем купаться?

Это кроха – Лица, дочь Антона и Ирины. Прелестное трехлетнее чудо с косичками и невероятно голубыми глазами. Ангельский голосок и доверчивый взгляд. При ее виде так и тянет улыбнуться.

– Что ты, малышка! Рано купаться. Вода еще холодная. А в реку мы полезем летом. Ясно.

– Да. А сколько мы еще здесь будем?

– Не знаю. Вот твой папа придет, тогда и решим.

– А он скоро придет?

– Скоро...

– Ясно, – абсолютно серьезно кивнула кроха и пошла по своим делам. Наверное, к друзьям – делиться новостью.

...В этот день на окраине Москвы неподалеку от строящегося высотного дома взлетел на воздух джип «гранд-чероки» с водителем и пассажиром. Все погибли при взрыве, а огонь обуглил тела до неузнаваемости. Правда, трупы через день опознают, и станет известно, что погибшие – члены одной из криминальной группировки столицы. Поползут слухи о продол-

¹¹ Малозаметные препятствия.

¹² Система отопления.

жении войны за передел собственности. Тем более бандиты погибли неподалеку от спорного объекта.

...А еще через два часа уже на другом конце города при выходе из борделя, замаскированного под сауну, будут расстреляны еще два человека из той же группировки. Бригадир и его помощник.

Неизвестные расстреляли их из двух автоматов Калашникова. Оружие убийства найдут в мусорном баке в соседнем дворе.

Бандиты, в один день потерявшие несколько человек, понятное дело, начнут искать следы и найдут их. Следы укажут, что убийства – дело рук конкурентов. А значит, впереди новая бандитская война.

– ...Газ когда завезут? Мало осталось... – Глаза Лены, жены Марка, спрашивали совсем другое, и о газе она совершенно не думала. – Еще на день.

– Завтра привезут, утром. Они и подсоединят.

– Хорошо.

– Я завтра еду в Рязань. Ненадолго. Вы остаетесь одни. Так что повнимательнее.

И опять немой вопрос в глазах. И мольба. Рассказать, что там у ребят. Как они там – живы, здоровы?

Мольба... А мне и сказать нечего. Дело еще не сделано. У самого никакой информации...

...Следующей ночью в подъезде своего дома будет убит еще один бригадир. Бутылкой из-под шампанского. Его охранника найдут в закутке лестничной площадки на первом этаже с пикой в сердце. Обломок пики обнаружат только при вскрытии.

После этого в Москве останется только один бандит, знающий о пейнтбольном клубе и схеме его перекупки. Его очередь наступит скоро...

Большую часть имущества парни распродали, остальное на машинах перевезли в Рязань. Мне надо было встретить контейнеры и перегрузить их в надежное место. А кроме того, прозондировать обстановку в городе. Не появлялись ли заезжие молодцы из столицы, не проявляли ли кто интерес к моей персоне и моим связям. И прочие подробности.

Я встретился с несколькими знакомыми парнями из разных команд, тех, кого хорошо знал и кто был нам кое-чем обязан. А потом позвонил одному человеку.

Человек этот носил погоны капитана и работал в РУБОПе. В так называемом шестом отделе. Капитан Разгонов Олег Семенович, двадцати семи лет от роду, потомственный мент в третьем поколении, профессионал – столь редкое исключение в наше время. На его счету несколько раскрытых «висяков» и несколько задержаний особо опасных преступников.

Этот профи – парень не промах. Взятки не брал категорически. Но и не нищенствовал. Покровительствовал нескольким мелким бизнесменам, охранял их и снимал свой процент. Ничего особенного, в наше время такое дело считается чуть ли не образцовым.

Разгонов меру знал, не наглел. Процент снимал небольшой, но охранял на совесть. Пару раз бандиты наезжали на подшефные точки, но на «стрелки» капитан приезжал с парнями из СОБРа.¹³ На этом все претензии заканчивались.

В отделе Разгонов пользовался уважением, хотя кое-кто смотрел на него косо и с некоторым страхом. Слишком независим и неподкупен он был. Да и родители – влиятельные люди. Связи опять же большие. Ко всему прочему ходили слухи, что Олег идет на повышение. По крайней мере следующее звание он ждал в ближайшие недели.

Вот этому чудо-оперу я и звонил. Информация, полученная при легком трепе с братвой, – одно. А данные от профессионала – нечто другое. На пару порядков достовернее и точнее.

¹³ Специальный отряд быстрого реагирования подчинен руководству РУБОПа, создан для проведения силовых операций. На сегодняшний день ему возвращено прежнее название – ОМСН (отряд милиции специального назначения).

Разгонов каким-то насмешливым голосом спросил, во сколько подъехать, сделал паузу, видимо, прикидывая, будет ли свободен, а потом дал добро.

Положив трубку, включил запись автоответчика. За время моего отсутствия было всего пять звонков. Андрей просил перезвонить, потом дважды звонила Наташка и вновь Андрей. Голос у него взволнованный, даже встревоженный. Чего он хочет? Опять что-то произошло?..

Немного поколебавшись, решил позвонить ему позже, после разговора с капитаном.

Разгонов приехал вовремя, демонстрируя свою безукоризненную точность.

– Привет органам! – поприветствовал я его.

– Салют, частник, – ответил тот. – Как дела?

– Как сажа бела. Живем помаленьку.

Я сделал широкий жест гостеприимного хозяина, и он вошел в квартиру.

Высокий, не ниже меня, Разгонов имел плотное сложение, довольно накачанную шею и крепкие руки. Аристократичные черты лица, надменный взгляд, поджатые губы. Со стороны глянешь – сноб. А на самом деле нормальный парень, вынужденный подстраиваться под обстоятельства и окружение. А оно добротой и чуткостью отнюдь не блещет. Что подопечные, что коллеги.

Разгонов предпочитал спортивный стиль одежды – самый практичный и надежный. Он всегда был готов к активным действиям и считал, что одежда должна отвечать этим требованиям. Синие джинсы, черная футболка под горло и черная короткая кожанка. Слева под курткой оперативная кобура, сзади за поясом – не исключено – второй ствол, какой-нибудь не зарегистрированный. На капитана трижды покушались нехорошие люди, и он привык соблюдать повышенные меры предосторожности.

– Проходи, капитан. Пиво ждет, вобла и прочая закуска на столе.

– Это дело, – потер он руки, поглядывая на стол. – Вижу, действительно рад гостю.

Мы прошли на кухню, где обычно и сидели. Здесь было как-то уютнее, удобнее. Да и все под рукой.

– Ну что, со свиданьем. – Олег приподнял бутылку сделал глоток. – Хорошо!.. Как жизнь молодая?

– Нормально. Живу, не тужу.

– Ну-ну... Я слышал, ты ушел от Чижмина.

«У него есть свой человек в Жоркиной конторе, – вспомнил я свою старую догадку относительно хорошей осведомленности капитана. – Кто-то из старых. И судя по всему – в охране. По привычке держит руку на пульсе или новый интерес?..»

– Надоело работать на дядю.

– А сейчас чем занимаешься?

– Диплом готовлю. Скоро защита. У тебя-то как дела?

Он пожал плечами и в двух словах обрисовал обстановку на работе, не вдаваясь в подробности. Мы поболтали на разные темы, и я вскользь выяснил интересующие меня вопросы. Относительно гостей из столицы, криминальной обстановки и последних случаях убийства.

Олег, будучи далеко не дураком, сообразил, что именно мне надо, и выложил все как есть. Эта информация закрытой не была.

– Все узнал, что хотел? – спросил он минут через тридцать. Его голос звучал насмешливо и задиристо.

– Узнал? Ну да, узнал. Что ничего интересного нет. Все как всегда. Одних убивают, других грабят, третьих грабят и убивают вместе. Будни...

– Ну-ну... Вывод слишком поверхностный. Но, впрочем, верный. Ладно, будем считать, ты информацию получил. А теперь позволь, – он усмехнулся, как-то неуверенно качнул головой, словно сомневаясь, говорить или нет, – позволь рассказать тебе одну историю.

– Историю?

– Ну да. Может, понравится... Очень уж она оригинальная.

– Да? – Я с удивлением посмотрел на Олега, не понимая, что его так развеселило. – Ну, давай свою историю. О чем хоть она? О бандитах?

– Нет, – отрицательно покачал головой тот. – Скорее из разряда фантастического бреда.

– Давай послушаем бред...

Олег кивнул, опять улыбнулся, внимательно и как-то насмешливо посмотрел на меня. Черт, чего он так смотрит?

– В общем, так. Два дня назад была стрельба на Шлаковом.¹⁴ Брали двух отморозов-гастролеров. Те промышляли нападениями на водителей. Эти собаки одного нашего подстрелили. Бандитов взяли... одного живого, второй – труп.

– Это тот, кто стрелял? – спросил я, в принципе заранее зная ответ.

Разгонов кивнул. Все верно, за своих надо мстить. Желательно по горячим следам.

– Так вот, – продолжил капитан, – нашего отвезли в больницу. Ранение не тяжелое, но крови он много потерял. Я потом его навестил, побыл там. Но это все присказка. Главное дальше.

Олег сделал большой глоток и заговорил.

...В больницу, куда доставили раненого милиционера, привезли беременную девчонку. Что-то там с ней произошло, то ли недомогание, то ли проблемы с плодом, капитан толком не знал. Пока с будущей мамашей возились, пока вызывали специалистов из роддома, ее временно поместили в кабинет, неподалеку от которого сидел капитан. Ждал результатов операции.

¹⁴ Район Рязани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.